

Лесса Каури

ВОЛУШКИ
ПРИ ДЕЛАХ

Лесса Каури
Золушки при делах
Серия «Сказки Тикрейской
земли», книга 5

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42537610

Золушки при делах: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-114295-7

Аннотация

В Вишенроге буйствует весна. Срывает маски, заставляет пылать сердца, толкает на глупости. Принц Колей по-прежнему не выбирает слов при общении с принцессой Ориданой, но коварство его отца обеспечивает этой паре несколько страстных мгновений. Старшая Королевская булочница расстраивается из-за влюбленности Пипа, а Дрюня переживает из-за Его Величества, который, в свою очередь, переживает... Но тс-с-с! О ком переживает Его Величество, попробуйте догадаться сами!

Лесса Каури

Золушки при делах

© Л. Каури, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Весна в Драгобужье пришла с месяц назад. Повсюду вылезли смешные сиреневые и белые кулачки первоцветов. Снег сошел, обнажив мокнущую хвою и прошлогодние листья; кое-где вершины небольших гор явили лики небу. Но в Синих чертогах все было по-прежнему. Газовые фонари и светящиеся грибы освещали голубоватым холодным светом подземные улицы, на площадях это делали магические светильники – забавные, в кованных рамах и витражных разноцветных стеклах.

Цеховой старшина, Виньогрет Охтинский Синих гор мастер, сдвинул шторку на окне и выглянул наружу. Стояло раннее утро, под землей отмечаемое мелодичным перезвонном будильных колокольников и далеким ревом сирен – с шахт, разработок и со Сталелитейного. Почтенные мастера похатывали, позевывали, потягивались, дружески толкали друг друга и спешили на работу. Позже улицы опустеют на какое-то время. А еще позже появятся уважаемые гномеллы,

матери семейств, с выводками детей спешащие на рынок, ведь помогать матери и отцу по хозяйству должны все – от ранних лет до того возраста, когда каждый находит себе свою дорогу.

Виньогрет вздохнул, задернул шторку и протер красные от бессонницы глаза: над текущим бюджетом страны сидел всю ночь. Смерть Его Величества Крамполтота Первого сильно снизила стоимость драгобужских активов, поэтому приходилось пересматривать многие статьи, прикрывать прорехи. А думать хотелось... о гномеллах. Почтенный старшина снова вздохнул. Его супруга умерла за несколько лет до совершеннолетия Виньовиньи, подарив ему кроме дочери трех могучих сыновей. Скончалась скоропостижно от болезни сердца... Это надо же! Гномелла, что двоих взрослых отпрысков легко поднимала за пояса, – и от сердца! Эти двое давно уже работали на Сталелитейном, обзавелись собственными семьями. Из третьего сына получился прекрасный инженер-изобретатель; кроме того, он проявлял интерес к управленческим наукам. Виньогрет надеялся, что сын пойдет по его стопам, став цеховым старшиной и одним из тех, кто решает судьбы Синих гор, но с некоторых пор не давил, предоставляя сыну право решать самому. Перед глазами стояло живым укором полное отчаяния лицо младшей дочери в тот момент, когда он откопал ее из-под развалин дома в Вишенроге. Тоже свой путь искала... И что нашла?

Гном раздраженно оттолкнул бумаги. Сразу по возвраще-

нии домой отправил в столицу Ласурии доверенное лицо – найти беглянку, вернуть! Не постеснялся бы и попросить о помощи нового друга, Его Величество Редьярда – добрый человек и в воспитании толк знает! Да только пропала Виньовинья, как в недра бездонные канула! Неужели снялась с насиженного места с возлюбленным своим (удушил бы собственной бородой собственными руками!) и вновь отправилась странствовать?

Звякнул колокольчик на двери. Один – пауза – два раза. Не из близкого круга кто-то. Не ко времени!

Виньогрет нажал одну из кнопок на рабочем столе. Дверь щелкнула, открылась, впуская... Хранителя Королевского Молота.

Старшина торопливо поднялся, склонился в низком поклоне, поспешил встретить гостя у порога, под руки подвести к гостевому креслу – таковых стояло в его кабинете три, с ббольшим количеством оппонентов спорить Виньогрет считал пустым делом.

– Мое почтение, уважаемый Хранитель! Выпьете чего-нибудь освежающего?

Тоннертротт пришел без Молота, значит, разговор пойдет личный и можно выпить!

– С удовольствием позавтракаю с тобой, почтенный старшина! – прошамкал Хранитель, лукаво улыбаясь. – Слышал я о твоей чудесной ветчине! Желаю отведать!

Склонив голову в знак согласия, Виньогрет откинул

на столе деревянную панель, под которой располагались несколько кнопок. Нажал их в определенной последовательности. Тоннертротт внимательно следил за ним.

– Рофельхаарт придумал, – довольно улыбнулся старшина, – младшенький мой. Закодировал те блюда, что я люблю и чаще всего ем. Стоит мне набрать этот код здесь – номер блюда высвечивается на кухне.

– Однако! – удивился посетитель. – Приятно видеть, как умнеют дети старых соратников, уважаемый мастер!

– Воистину! – расцвел тот.

Спустя несколько минут в кабинет вошла дородная гномелла, легко неся по подносу на каждой ладони. Ловко составила их на стол. На блюдах истекали прозрачной морозной слезой пышная буженина и розовая ветчина, украшенные солеными грибочками и кислой капусткой. Финьорина, экономка в доме Виньогрета, достала из высеченного из цельного дубового ствола буфета штоф самогона, хрустальные стопки, составила на стол. Поклонилась и бесшумно исчезла.

Виньогрет повел рукой, приглашая отведать яства.

Почтенные гномы закусили. Выпили. Крякнули. Снова закусили.

– Итак, – сказал Тоннертротт, с довольным видом откидываясь на спинку кресла, – Его Величество Редьярд Третий ночью прислал порталом вестника: договор найден и может быть предоставлен для экспертизы по первому нашему тре-

бованию. Но с условием.

– С каким же? – спокойно спросил Старшина.

Все верно. В подобной ситуации он бы тоже поставил условие, а то и несколько!

– Договор будет доставлен в Синие чертоги наследным принцем, который не выпустит его из рук, дабы исключить подмену. Думаю, не стоит говорить, что случится, если на Его Высочество Аркея здесь будет совершено нападение?

– Спаси Руфус и Торус! – сделал оберегающий жест Виньогрет.

– В связи с этим я объявляю десятидневную подготовку к Великому мастеровому сходу. Срок достаточный для обеспечения безопасности пребывания Его Высочества у нас и вызова отсутствующих старшин. Нам важно всех убедить в том, что договор подлинный!

Виньогрет задумчиво разлил по новой. Ласурский принц вряд ли пробудет в Чертогах больше нескольких часов – времени, достаточного для того, чтобы ознакомить всех цеховых старшин с личным мастеровым клеймом Его Величества на договоре. Но и за несколько часов может случиться всякое!

– Что требуется от меня, почтенный Хранитель? Помогу, чем смогу!

– Тебя, уважаемый, прошу не вмешиваться в дискуссии, каковые обязательно возникнут, а тако же соблюдать спокойствие и невозмутимость, какие подобают цеховому старши-

не. В общем, все то, с чем ты прекрасно справляешься!

Тоннертротт выпил, повторно наслаждался ветчиной и отбыл, оставив хозяина дома в недоумении.

Отдернув шторку и глядя на спешащих по делам соотечественников, Виньогрет Охтинский Синих гор мастер раз за разом задавал себе вопрос: «Ради чего приходил такой уважаемый гном, как Хранитель Королевского Молота?» И не находил ответа.

* * *

Весенние ветры были сильными, теплыми. Их так любил Эдгар Мореход! Смотрел грозовыми глазами вдаль, смолил трубочку, хищно шевелил ноздрями: старый моряк чуял скорую навигацию, как гончая – охоту, мечтал увидеть, как торговые караваны покинут порт, чтобы уйти через успокоенный весной пролив в Гаракен или дальше, к окраинам Дикоземья. Страсть к перемене мест жила в нем с раннего детства. Передалась она и дочке, ранее носившей имя Матушки Бруни, а ныне именуемой Ее Высочеством Брунгильдой Ласуринг, герцогиней рю Мерсаль.

Каждую весну Бруни, ни разу не покидавшая родной Вишенрог, приходила на пляж и смотрела вдаль – как когда-то отец, – и в груди ее трепетно и нежно пела страсть к приключениям, так и не нашедшая выхода среди трактирных чугунков и сковородок. Вот и сегодня Ее Высочество, не так давно

с этими самыми чугунами и сковородками расставшаяся, стояла на уже подсохшем песке столичного пляжа, что спукался к морю от набережной Русалок, и смотрела вдаль, задумчиво вертя на безымянном пальце левой руки перстень с огромным рубином. Сие чудовищное украшение преподнес ей Его Величество Редьярд Третий, получив известие о скором появлении наследника.

Пустой пляж. Пустое море. Штиль. Крики чаек. И непривычное тепло внутри. Тепло, говорящее о новой жизни. Даже несмотря на перстень-переросток, Бруни никогда еще не была так счастлива. И никогда так не нуждалась в тишине и покое! «Ваше Высочество, спокойствие и уверенность придут позже! – объяснял ей королевский целитель. – Сейчас ваш организм свыкается с новой ролью, поэтому возможны неконтролируемые эмоции, раздражительность, вялость, некоторая утомляемость...» Однако мэтр Жужин ошибался. Энергия была в принцессе ключом, да таким, что через пару месяцев от нее шарахались королевский казначей, городской глава, смотритель приютов и училищ и ректор Военного университета. Только иногда силы покидали Бруни, и вот тогда ей нужны были мгновения, которые она с удовольствием провела бы с мужем. Однако, увы, тот был человеком куда более занятым, поэтому она довольствовалась недолгими прогулками в относительном одиночестве.

Ходили слухи, что Его Величество Редьярд собирает-ся скоро вернуться из бессрочного отпуска, проводимого в

Невьянском замке, где он прочно и надолго «окопался» вместе с официальной фавориткой герцогиней Агнешкой рю Филонель и некоторой частью свиты. С одной стороны, Бруни ждала этого, радуясь появлению у Кая времени для жены, с другой – и в этом стеснялась себе признаться – не хотела. Она видела, как в горниле ответственности перед страной и народом меняется супруг, выковывается, будто клинок: дивный, острый, опасный, который невозможно ни погнуть, ни сломать. Да, Бруни беззаветно любила мужа, но как гражданка Ласурии уже обожала будущего короля.

Ее губы тронула улыбка. Надо же, какими словами стала думать! «Гражданка»! Гражданка Ласуринг...

Принцесса скользнула взглядом по небу: солнце уже высоко. Пора возвращаться назад, во дворец.

– Я здесь, – раздался тихий голос из-за спины.

Григо Хризопраз не оставлял ее одну в прогулках по городу и за его пределами, пусть иллюзорная внешность и не давала людям узнать свою принцессу.

– Едем! – кивнула она.

В последний раз обежала глазами пляж: небо с росчерками редких чаек, море... Решительно развернулась и направилась на набережную, где ждал неприметный экипаж. Сев в карету, посмотрела на Григо. Тот держал во рту трубку, но при принцессе не курил. В руках у него была голубая бархатная папка с вензелями – документы для доклада. Бруни кротко вздохнула.

По прибытии во дворец ее взяла в оборот герцогиня рю Воронн. Статс-дама после новостей о беременности принцессы строго контролировала режим ее питания и сна, и никакие уговоры, срочные дела или неудовольствие Ее Высочества решимость Ее Светлости поколебать не могли.

Бруни торопливо ела, мечтая побыстрее увидеть тарелку пустой (тогда принцесса будет выпущена из-за стола зоркой Фироной) и пойти в кабинет, к своему рабочему месту, теперь заваленному бумагами не хуже стоящего напротив стола мужа. Однако едва она шагнула в гостиную, как ее позвал секретарь:

– Ваше Высочество, вам записка!

И протянул какой-то клочок бумаги. Взяв его, Бруни прочитала единственное слово, написанное большими угловатыми буквами: «ПРАИЗВОЛ!», и с недоумением взглянула на Григо:

– И что это значит?

Тот хмыкнул:

– Видите ли, сегодня неприятный день, однако к вам просится некая матрона Мипидо... Дворцовая охрана стойко держит оборону, но ее энергия грозит сровнять оплот ласурских королей с землей!

– Клози! – воскликнула Бруни. – Григо, ну что же ты стоишь, веди ее сюда!

Секретарь сурово нахмурил брови, хотя его губы дрожали от едва сдерживаемого смеха.

– Не могу, Ваше Высочество! Ее нет в списке постоянных посетителей!

– Где этот список? – строго спросила принцесса. – У вас?

– Конечно! Я же сам его составляю, основываясь на ваших ежедневных планах!

– Дайте!

Хризопраз порылся в голубой папке и протянул ей бумажный лист. Бруни размашисто вписала имя и вернула список. Прочитав его, Григо в изумлении взглянул на принцессу.

– Ваше Высочество, здесь написано «Туча Клози»...

– Пресвятые тапочки! Отдайте! – потребовала Бруни. Исправила имя, подумала и добавила: «Немедленная аудиенция».

Посмеиваясь, секретарь забрал список и вышел.

Бруни догадывалась, что он мухлюет с перемещениями внутри дворца, поскольку путь из одного его конца в другой зачастую занимал у Григо подозрительно мало времени. Вот и сейчас мощное контральто Тучи Клози послышалось достаточно быстро, заставив напрячься дюжих гвардейцев в синих мундирах, охраняющих двери покоев королевской четы. А Бруни взволнованно прижала руки к груди – сейчас все ее прошлое звучало голосом матроны Мипидо, одной из тех подруг, которых принцесса надеялась не потерять и в настоящей жизни!

Двери распахнулись, впуская главу Гильдии прачек. Клозильда, в платье цвета томатного соуса, подбитом мехом пла-

ще и красном капоре, напоминала помидор сорта «бычье сердце» – такие выращивали на юге страны и осенью привозили на вишенрогские рынки, где они важно лежали на прилавках, поблескивая яркими боками, и габаритами подавляли окружающие овощи.

Матрона всхлипнула, стиснула пухлые руки и попыталась поклониться с изяществом битюга, по ошибке зашедшего в посудную лавку.

– Клози, моя дорогая Клози! – воскликнула Бруни, бросааясь к ней и пытаясь удержать от поясного поклона. – Как я рада! Дай-ка посмотрю на тебя – ты прямо цветешь!

– Да ты тож неплохо смотришься, Твое Высочество! – ответила та, явно собираясь взрыднуть. – Даже те симпатичные, но сердитые солдатики у входа во дворец не смогут покобелить моего мнения и испортить настроение от встречи с тобой! Ой... то есть вами!

– Наедине обращайся ко мне, как прежде, прошу! – Бруни подвела гостью к дивану и заставила сесть. – Расскажи, что там у нас, как там?

– Все путем, – заулыбалась Клози, – мастер Пип освоил оборотничью кухню, да так, что к нему зубастые со всего Вишенрога столоваться приходят и нахваливают! Вдова Рапписа померла седьмого дня. Прямо во сне и отбыла в чертоги Пресветлой – хорошая смерть, всем бы так! Да вот денег на похороны еле наскребли! Кварталом собирали – своих-то сбережений у нее, как вы... ты знаешь, и не было. А Виелен-

на твоя никак замуж собралась за Питера, только оба делают морды каменные, едва речь заходит о летнем тепле. Видать, огласки хотят избежать, да только модистки уж нашептали, что дева приходила на платья поглазеть.

– А вы с мастером Висту не надумали еще? – скрывая улыбку, поинтересовалась Бруни.

Туча всплеснула руками.

– Вот с этого я и должна была начать, Твое Высочество! Сговорились мы с Вистунчиком ожениться, и – что важно! – таково наше обоюдное желание! Но поскольку мы с ним люди не простые, главы Гильдий, праздновать, надо полагать, будет весь квартал!

– Надо полагать! – засмеялась Матушка и даже в ладоши хлопала.

«Чуйство», зародившееся и расцветшее на ее глазах, было одним из тех чудес, что придавали жизни смысл.

– Вот мы и хотим сделать это после Весеннего бала! Во-первых, потеплеет уже, а во-вторых, – Клозильда лукаво блеснула глазами, – денежки сэкономим на музыкантах, благо в городе из-за Большого Поэтического турнира их будет как крыс на Центральном рынке!

– От всего сердца поздравляю вас! – Бруни обняла Клози и расцеловала в обе щеки. – И мастеру Вистуну передай мои поздравления! Ваше обоюдное счастье делает и меня счастливее!

– Тогда и ты осчастливь нас, Матушка Бруни, – поднялась

матрона Мипидо и поклонилась, – будь моей подружкой на свадьбе... ежели то, конечно, позволительно для принцессы.

Бруни нахмурилась. Не успела подумать о том, кто мог знать наверняка, как он уже стоял рядом. Клозильда Мипидо испуганно вскрикнула – так мгновенно Григо Хризопраз появился из-за дверей.

– Прецедентов не было, Ваше Высочество! – сообщил тот. – Но кто мешает вам его создать?

– Не нужны мне цеденты на свадьбе! – насупилась Туча Клози. – Это кто такие?

Принцесса и секретарь переглянулись и в один голос ответили:

– Это будет сюрприз!

* * *

– Энергетическая матрица индивидуума представляет собой определенные вибрации, нарушение которых является проявлением болезней на физическом уровне. Целительская энергия – назовем ее энергией синей сферы – корректирует нарушение вибраций, что проявляется на физическом плане исцелением данного существа.

Преподавателя теории целительства, пятидесятилетнего Райдо Оживалова, в целительской сфере боготворили, но предпочитали держаться подальше. Мэтр был поклонником теории унификации и стандартизации и все встреченное в

жизни, будто то человек, процесс, книга или случай, пытался расчленил (в научном, естественно, плане), описать и присвоить категорию.

– Вторая сфера, фактическая жизненная энергия разумного существа и окружающего его мира, – «энергия красной сферы» – помогает восстановлению потерянной жизненной силы или увеличению ее в организме...

Виньовинья слушала вполуха, но писала старательно. Зачеркивала и снова писала. Писала и опять зачеркивала. Нелегко подобрать верные слова при обращении к родному отцу, в глазах которого при последней встрече она увидела и гнев, и растерянность, и любовь... Почтенный родитель был зол, ох как зол на непутевую дочь, сбежавшую из дома с совсем не юным и вовсе не богатым гномом. Но, кажется, больно ему было не поэтому...

«Уважаемый родитель, бесценный отец мой, многие лета вам и долгие метры вашей несравненной бороде! Пишет вам непутевая дочь, которую вы отхлестали бы старшинским ремнем за непослушание и неуважение к традициям. Время, прожитое вдали от родины и вас, заставило меня о многом передумать, многое пережить. Я побывала в таких переделках, которые обычной аркандитиругской гномелле и не приснились бы! Я вожу дружбу с воинами, рубаками и магами, и они, смею вас заверить, уважают и любят меня. Я нашла свой путь – путь целителя, с которого отступать не намерена ни при каких обстоятельствах. Все, что я пишу, вызовет

ваш гнев, знаю, отец. Так же, как и тот гном, что открыл мне дорогу в неведомый и недоступный прежде мир. Я люблю его, почтенного Йожевижа Агатского, Синих гор мастера, и не боюсь в этом признаться. Знаю, как бы я ни скучала, вы никогда не примете нас в семью, не простите и не позволите вернуться, чтобы повидаться с вами и любимыми братьями. Более того, вы предпримете все меры, дабы вернуть меня домой в одиночестве, оторвать от гнома, в коем заключена вся моя любовь и жизнь. Отец, я ваша дочь. Вы хорошо учили меня. Посему в приложении к данному письму прилагаю документ, который не позволит вам сделать задуманное. Это копия брачного свидетельства, подписанного лично Его Подгорным Величеством Ахфельшпроттенем Первым и скрепленного его печатью, заверенная здесь, в Вишенроге, почтенным нотариусом Руммельшритценем Рохинским, Серой скалы мастером. Согласно сему документу я, Виньовинья Виньогретская, становлюсь Виньовиньей Агатской со всеми вытекающими последствиями, и никто, даже родной отец, не имеет права отлучить меня от законного супруга. Как видите, я все-таки уступила традициям, отец. Возможно, не так они и плохи иногда. Засим хочу попрощаться, но прежде – сказать явственно и открыто: отец, я люблю вас и отношусь со всем уважением, что бы вы обо мне ни думали! Мне жаль, что так получилось, но зов сердца для уважающей себя гномеллы – это зов сердца. Я не была бы дочерью своей почтенной матери, если бы поступила по-другому! Ваша

дочь Виньовинья Агатская (в девичестве Виньогретская)».

Виньо подняла полные слез глаза и вдруг обнаружила прямо перед собой крючковатый нос и ехидный прищур мэтра Оживалова.

– А кто нам расскажет про третью энергетическую сферу? – гнусаво осведомился он. – А сделает это студентка Агатская! Ведь она так тщательно записывает лекцию!

Гномелла покраснела и вскочила, едва не опрокинув стул. Мэтр, конечно, заметил, что пишет она совсем другое, но публично позорить не стал, не тот человек. А вот спросить со всей строгостью по теме – это пожалуйста. Ее счастье, что теория целительства, хоть и была довольно занудна, для дошной Виньо являлась одним из самых любимых предметов. Сказывалась, видно, отцовская склонность – как у мэтра Оживалова – анализировать, раскладывать по полочкам картину мира. Поэтому учебник для второго курса она изучила от корки до корки еще в первую неделю обучения. Несмотря на это, лекции Райдо слушать было по-прежнему интересно. Целитель с огромным опытом часто добавлял к сухому учебному материалу случаи из собственной практики.

– Третья сфера кристаллически-белого цвета. Она является второстепенной по отношению к первым двум. Используется для очищения негативных действий и применяется только в комплексе с двумя другими сферами, – не моргнув глазом отрапортовала Виньовинья.

– Мда? – мэтр Оживалов посмотрел на нее с сомнением. –

Зайдите ко мне после занятий, студентка Агатская.

– Конечно, мэтр!

Виньо села. Ноги у нее тряслись. Борода Торуса, а если бы не ответила?

Она посмотрела на письмо, свернула, убрала в сумку. Покосилась на пустой стул рядом. Тариша Виден прогуливала уже который день. И гномелла догадывалась, с кем!

* * *

Ники Никорин озадаченно почесала в затылке, разглядывая кучку свитков, вываленных герцогом рю Виллем из дорожного мешка, который должен был взять с собой в путешествие Лихай Торхаш Красное Лихо. Но не взял.

– Ни одного порталного? – на всякий случай уточнила архимагистр.

Троян покачал головой.

– Ни одного. Аргументировал, мол, хочет порыскать по тем местам, где встречали бешеных, проверить их следы и понять, какова логика передвижения.

– Какая логика может быть у бешеных? – пробормотала Ники.

Сердце тревожно сжалось. Лихо уходил в никуда и знал об этом. Была ли у него возможность отказаться? Такие, как он, от опасностей не отказываются...

– Ники? – рю Вилль внимательно смотрел на нее. – Что

происходит?

– Ничего, – она передернула плечами и с трудом отвела глаза от свитков. – Ровным счетом ничего, Трой.

– Я так давно тебя знаю, – усмехнулся начальник Тайной канцелярии, – слишком давно, чтобы позволить тебе врать мне! Возможность, что ты когда-нибудь согласишься стать моей женой, похоже, превратилась в эфир, окончательно и бесповоротно?

Ники обошла стол, подошла к Трояну сзади и обняла. Прижалась щекой к широким плечам старого пирата, грустно улыбаясь. Люди стареют. Люди уходят. У герцога появились новые морщины у глаз и опустились уголки рта. И сидины больше, чем смоляных волос... Все это ровным счетом ничего бы не значило, если бы она любила Трояна рю Вилля. Но она не любила его. Никого-то она не любила...

...Аркаеш, почему Лихай не взял свитки? В минуту опасности те перенесли бы его в безопасное место!

– Я хочу когда-нибудь проводить тебя в последний рейс без горечи и разбитого сердца, Трой, – тихо призналась архимагистр. – Вспоминать как друга и ценить дружбу.

– Ох, Ники-Ники, – преувеличенно тяжело вздохнул тот, однако голос его дрогнул, – ты будешь вспоминать только дружбу? А стол в моем кабинете?

– Стол – непременно, – серьезно ответила она, – и те склады на окраине порта, и какую-то забегаловку на углу улицы Колокольчиков и Макового бульвара, и еще много чего.

– Что ж... Тогда я умру с улыбкой на губах!

– Обещаешь? – она сбоку заглянула в его лицо.

Троян улыбался, но в темных глазах ничего нельзя было прочесть.

Чувствуя себя виноватой, архимагистр по-девчачьи чмокнула его в щеку и перенеслась в Золотую башню. Спустя мгновение появился Брутобрутт – стоящий у него на столе магический колокольчик мелодичным звоном предупредил, когда хозяйка возвращалась в покои.

– Принести морсу?

– Благодарю, Брут, не хочется. Срочные запросы, дела есть?

– Все в штатном порядке, моя госпожа.

– Тогда ты мне не нужен.

Ухмыльнувшись в бороду, гном поклонился и, исчез, шагнув на порталные плитки. Он-то знал, что нужен хозяйке Золотой башни если не всегда, то часто.

Ники села, закинув ноги на рабочий стол. На нем царил идеальный порядок: секретные депеши сложены в шкатулку, запечатанную соответствующей руной, бумаги выложены по краю стола ровными стопками. В чернильницу налиты свежие чернила, перо остро заточено. Не иначе Брут прибрался.

Где-то далеко блуждал в ласурской чащобе лис в богатой красно-рыжей шкуре. Отсутствие на нем магических маячков лишь удлиняло время поиска для Ники, но искать его сейчас было слишком рано. Вот подготовить почву для появ-

ления Лиха в Узаморе стояло, тем более что люди той земли издревле славились нетерпимостью к оборотням.

Раздраженно постучав тонкими пальцами по столешнице, архимагистр подвинула к себе зеркало связи. Разговор предстоял неприятный.

* * *

Внизу, в лесах, уже везде хлопало – это ласурские родники пробивали себе дорогу из-под снега. Еще немного – и к ним присоединятся рябчики, мускари и пролески. Земля украсит себя взблесками голубого, желтого, белого. Люди говорили: Индари балуется красками, макает кисточку в цвета радуги и стряхивает на землю. Обратни считали первоцветы каплями слюны Арристо, спящего всю зиму, а под весну пробуждающегося и выходящего на ноздреватый снег – на первую охоту.

Поскольку кошачьи во все времена не любили мочить лапы, Тариша и Дикрай уходили в холмы. Здесь, на присыпанных каменным крошевом вершинах, сохранялась с лета сухая жесткая трава и можно было устроить лежбище с подветренной стороны какого-нибудь камня. Охотиться и спать, обнявшись, сплетя хвосты, положив морды друг на друга...

Это была их первая весна. Первая весна для пары – как кровь для детеныша, впервые вышедшего на охотничий зов сердца. Ее помнят до самой смерти: запахи, звуки, прикос-

новения. Как помнила Тариша их с Дастином первую весну... И как только вспоминала, ее будто холодной водой окатывало.

Дикрай словно почувствовал что-то – приподнял голову, притянул фаргу к себе. Они потеряли счет дням, проведенным вместе, но она часто застывала вот так, смотрела внутрь себя, и в расширившихся зрачках он видел страх и ненависть. Сейчас они – обнаженные, принявшие человеческий облик – лежали в небольшой пещере, образованной двумя склонившимися друг к другу валунами. Холод оборотням был не страшен – разгоряченные почти постоянным движением тела, наоборот, наслаждались прохладой.

– Тари, что с тобой?

– Ничего, Рай...

Она спрятала лицо у него на груди. Ее сильные руки и ноги обвили его тело – такую фаргу, гибкую, мощную, брать одно удовольствие! Дикрай почувствовал, что опять хочет ее, и недовольно поморщился. Не ко времени! Каждый раз, когда он пытается вызвать ее на откровенность, она заставляет его терять голову, но от разговора уходит!

– Почему ты так ненавидишь людей? – тихо спросил он и по напряжению ее тела понял, что попал в точку.

Она чуть подняла голову. Волосы скрыли обезображенную половину лица. Криво усмехнулась:

– Это так заметно?

– Нет, почти нет. Но я чувствую тебя не так, как другие.

Я чувствую тебя...

Он замолчал. Для того чтобы получилась пара, нужны двое. В своей партнерше оборотень был не уверен...

– Ты чувствуешь меня, – пробормотала та. – Рай, люди уничтожили мой клан и долго глумились над моей парой, прежде чем убить. И надо мной тоже. Я оставила шрамы на лице как напоминание о том, что людям нельзя доверять, какими бы благородными и добренькими они ни казались! Иногда я ловлю себя на желании выйти на улицу и убивать направо и налево... Слышать их крики, хруст их костей... Таких мягких костей! Думаю, Арристо не был бы против!

– Арристо больше нет, – Дикрай откинулся на спину, задумчиво смотря в потолок, – бог плодородия сгинул в Вечной ночи, оставив своих детей выживать. Это не очень-то породительно!

– Кто ты такой, чтобы осуждать бога? – Тариша резко села. – Мы не знаем, что там произошло, и даже старейшины не вспомнят! Все, что мы можем, – не забывать имя божественной силы, что создала нас!

– Ты права, этого мы не знаем, – согласился оборотень, – но я точно знаю, что люди способны не только забирать чужие жизни, но и отдавать свои – за наши...

– Я не верю, – фыркнула фарга.

Дикрай покосился на нее с усмешкой. Упрямица! Не верит после сумасшедшей эскапады в Крей-Лималль?

Он тоже сел, скрестив ноги. Грубовато притянул ее к себе,

словив легкое сопротивление.

– Я расскажу тебе, чем обязан Вителье Таркан ан Денец, только обещаю тебе, что никто из наших не узнает об этом!

– Обещаю, – кивнула Тариша. В полумраке пещеры глаза ее диковато светились. – Рассказывай!

Пока он рассказывал о встрече с бешеной росомахой, бое и укусе, о том, как, не щадя себя, молодая волшебница попыталась спасти его, и спасла, и едва выжила, – фарга не издавала ни звука, не сделала ни движения. Лишь когда он замолчал, заглянула ему в лицо, будто не доверяя. Он спокойно встретил ее взгляд. Она наморщила нос и с сомнением пожала плечами.

– Почему Вита смогла то, чего не могут другие маги?

– Она не такая, как другие маги! Ты вспомни, как эльфы охотились за ней! – Дикрай теснее прижал фаргу к себе. – Я не прошу тебя забыть прошлое и понимаю твою жажду крови. Мне жаль, что случилось то, что случилось, и ты живешь с этим, не отпуская. Но прошу хотя бы попытаться поверить мне: не все люди хотят убивать нас!

Тариша молчала, обдумывая услышанное. Затем потерлась об него головой.

– Мне сложно принять сказанное тобой, но понять я могу... Спасибо, что поделился! И знаешь...

Она замолчала. Дикрай чуть подался вперед, ожидая ее слов. Ему показалось, сейчас она скажет нечто важное, такое, что еще ни разу не говорила.

Фарга неожиданно с силой оттолкнула его и вскочила на ноги. Силуэт ее крепкой фигуры замер у выхода из пещеры.
– Я проголодалась, Рай! Догоняй!

Спустя мгновение мелькнул и пропал полосатый тигринный бок.

Денеш тяжело вздохнул, обращаясь. Толстые лапы не спешили попруть землю – он все равно нагонит ее, как бы далеко она ни ушла. Он самец, и ее запах висит для него в воздухе красной лентой, вдоль которой так сладко идти. Запах его самки.

* * *

Герцогиня рю Филонель давно жила вдалеке от родины. Она смогла привыкнуть к громогласности и запаху людей, к их плоским шуткам и скудному интеллекту, к перенаселенным городам, в которых нечистот порой бывало больше, чем пресной воды; лишь к одному она так и не привыкла – к межсезонью всего остального, кроме Лималля, мира. К этой странной границе между осенью и зимой, зимой и весной, границе, тонкой, как комариный писк, и такой же раздражающей. В этот период на Агнушу нападала тоска, она становилась раздражительной и жестокой по отношению к фрейлинам и прислуге, беспричинно упрекала Его Величество Редьярда в том, чего он не делал (или, наоборот, делал), бесконечно ссылалась на головную боль и слабость. Причи-

ной всему была, как ни странно, банальная тоска по родине. Эльфийка отчаянно желала снова ощутить душистый воздух Хрустальных лесов, зачерпнуть прозрачной воды из их водоемов, омыть лицо, трепетной ланью вступить обнаженной в ласкающие шелка волн, лечь на спину, глядя в медленно кружащийся небосвод... И навсегда забыть Тикрей с его грязью, шумом, интригами! Она мечтала об этом и сейчас, с тоской глядя из окна своих покоев на весеннюю распутицу, взявшую в плен Невьянский замок, работы по внутренней перепланировке и ремонту которого были почти завершены. Агнуша заказывала декоративный камень, обивку, мебель и прочие предметы интерьера только у дорогих мастеров, и те стремились осуществить поставки по крепкому снегу, без задержек, а работы – максимально быстро. Поэтому сейчас бо́льшая часть невянских покоев уже могла похвастаться новой обстановкой, современной канализацией и системой водоснабжения с холодной и горячей водой. В одном из заброшенных бальных залов первого этажа донжона был сделан бассейн, который наполнялся родниковой водой из ближайшего леса. Вода подавалась системой насосов, спроектированной Гильдией механиков. Герцогине нравилось по утрам, после горячих и обильных ласк короля, погружаться в этот обжигающе студеной поток, нравился шедший от воды запах снега и, едва уловимый, железа. Хлесткий удар холода по нервам словно пробуждал ее от многовекового сна, делая живой...

Живой...

Агнуша сдержала вздох. Стоило признаться себе, что она устала. Устала жить среди людей. Устала ждать, когда один, не самый худший из них, но однозначно один из самых влиятельных, сделает ее своей женой. Должно быть, она ошиблась в расчетах, не приняв во внимание пресловутую человеческую непредсказуемость!

Взгляд герцогни вяло следовал по хитросплетениям раскинувшегося внизу садового лабиринта. Геометрически подстриженные вечнозеленые кусты казались черными. Полосы грязного снега перемежались с подмокшими, посеребрившими тропинками. Лужайки, покрытые не тронутым пока снежным покровом, по краям потемнели и казались подтухшими. Каскарты, какая тоска!

Позади раздался мелодичный звон: магическое зеркало сигнализировало хозяйке о том, что ее желает видеть кто-то из своих. Герцогиня удивленно обернулась. Давно не поддерживала связи с Лималлем, кто бы это мог быть?

Она направилась к столу, привычно задержавшись у зеркала: великолепна как всегда! Не стыдно будет посмотреть в глаза любому эльфу... Однако в туманной глубине амальгамы герцогиню ожидал совсем не любой эльф, а Ксарион Перкатипотль, советник Мудрейшего по личным вопросам.

– Тени плохих снов да не коснутся вас, личный советник Ксарион! – проявляя уважение, первой заговорила Агнуша. – Это чудо, я как раз думала о родине!

– И вас да не коснутся, прекрасная дочь клана Филонель! – едва заметно склонил голову Ксарион. – Вижу, что пребывание среди людей ни в коей мере не пошло вам во вред! Я поражен вашей красотой, Агнуша!

Герцогиня тонко улыбнулась. Советник по личным вопросам просто обязан был владеть таким непростым оружием, как лесть, и Ксарион пользовался им виртуозно.

– Мне приятны ваши слова, но я хотела бы перейти к делу. Его Величество Редьярд в любую минуту может вызвать меня...

Агнуша откинулась на высокую спинку стула и ослепительно улыбнулась: мол, твое место высоко, Ксарион, но и я не сажу у подножия трона, а по крайней мере стою за плечом Его Ласурского Величества!

– Разговор с деловой женщиной приносит удовольствия не меньше, чем с красивой, – усмехнулся советник, – а в вас сочетаются оба этих качества, Агнуша. Слышит ли нас кто-нибудь? Разговор пойдет конфиденциальный.

Герцогиня щелкнула тонкими пальцами – замок в двери повернулся, а на окно пала занавесь.

– Хорошо, – улыбнулся Ксарион, – вижу, о нашей магии вы не забывали?

– Среди людей есть смысл использовать ее только в бытовом аспекте, увы, – вздохнула эльфийка, – например, чтобы быстрее подогреть воду в купальне или охладить напиток в жаркий день. Я очень занятая женщина, личный советник,

у меня нет времени на глупости вроде совершенствования того, в чем я не чувствую себя первой.

– Реальный взгляд на вещи и понимание собственных целей – еще один плюс в вашу пользу, Агнуша, – загадочно произнес Перкатипотль. – Итак, знаете ли вы что-нибудь о последних событиях на родине?

Герцогиня нахмурилась. За судьбой Лималля она не следила уже лет десять или больше, поскольку не собиралась возвращаться, даже несмотря на желание это сделать. Да и что там могло измениться, в этом спящем царстве?

– Завеса пала... – пояснил Ксарион.

Агнуша моргнула. Завеса? Пала? Этого не может быть! Это значит... Но ведь это...

С трудом справившись с волнением, она вновь нацепила на лицо маску прекрасного спокойствия и поинтересовалась:

– Значит ли это, что наши братья и сестры смогут проснуться?

Братья, сестры... и родители! Уснувшие вместе с остальными еще до ее отъезда на Тикрей!

– Уже есть единичные случаи пробуждения, – личный советник был явно доволен произведенным эффектом. – Мы изыскиваем пути пробудить остальных, но все они требуют дополнительных вливаний маны... Артефакты Вечной ночи в Лималле нынче на вес золота! Но не это самое чудесное из того, что произошло, Агнуша!

Эльфийка нахмурилась.

– Не это? Что еще могло произойти, личный советник? Неужели Крей выпустил родину из своих кривых когтей?

Ксарион не скрыл вздоха.

– Увы... Я тоже желаю свободы всем сердцем, как и Мудрейший, однако расстановка сил на политической арене Тикрея явно не в нашу пользу... Предлагаю вернуться к этой теме после того, как большинство сограждан пробудится. Вопрос, который я хочу доверить вам, гораздо более важный. Дети.

– Дети? – изумилась герцогиня.

Дети перестали рождаться в Лималле около двух сотен лет назад. Что явилось тому причиной, сказать было затруднительно: то ли это был побочный эффект Завесы, то ли резко сократившееся эльфийское население, вынужденное все чаще использовать кровосмесительные браки, совсем потеряло способность к деторождению.

– Дети, – нежно улыбнулся личный советник. Кажется, впервые он позволил себе проявление собственных эмоций. – Одна из пробужденных оказалась беременной, и беременность развивается нормально! А в Дайелитель сразу две соотечественницы из тех, кто не спал, понесли от своих партнеров. Агнуша, вот истинное чудо!

Рю Филонель оценила степень искренности советника и позволила себе не меньшую: в восторге захлопала в ладоши и засмеялась. Прекрасно знала, как действует этот подобный звону хрустального колокольчика смех на мужчин.

– Это прекрасная новость, советник Перкатипотль! Я благодарна вам за то, что сообщили о ней! Лучшего известия нельзя было и желать!

Улыбка Ксариона неуловимо изменилась. Перед ней вновь был не просто пятитысячелетний эльф, но эльф, облаченный полномочиями, дарованными самим Мудрейшим. Очень широкими, надо сказать, полномочиями.

– Всегда стоит желать большего, Агнуша, – рассудительно заметил он. – Однако вам простительно, ведь вы так молоды!

Рю Филонель едва не залилась румянцем, еле сдержалась, хотя кончики ушей все же запылали. Среди людей никто не делал комплиментов ее возрасту, лишь красоте и уму. А для женщины такие комплименты – как глоток свежего воздуха в душной комнате.

– У меня есть и лучшая новость, но касается она не всех эльфов, а лишь пяти эльфиек, в число которых повезло войти и вам! – продолжил советник. – Все, что я сейчас скажу, строго конфиденциально и не должно обсуждаться ни с кем – я подчеркиваю, ни с кем! – из соотечественников, кроме меня. Про остальные расы даже и говорить не буду.

Агнуша подалась вперед и ослепительно улыбнулась. Вот оно!

– Все так серьезно, личный советник? Я вся внимание. В моей лояльности по отношению к информации вы могли убедиться, если навели справки. А вы их навели!

– Навел, – не стал отпираться Ксарион, – подробное досье,

заключение семейных целителей, отзывы дриад, образ жизни, предпочтения, в том числе в сексе, чистота крови, наличие в роду больных белой лихорадкой... И не только о вас – о каждой из пяти претенденток!

По мере перечисления брови герцогини все более поднимались вверх. Когда он замолчал, она откинулась на спинку кресла, тяжело дыша. Все оказалось гораздо серьезнее, чем она могла предположить! Гораздо, гораздо серьезнее!

– Вы позволите мне догадаться? – пытаюсь сдержать дрожь в голосе, спросила эльфийка. – Мудрейшему нужен Сосуд для его мудрости?

Глаза личного советника вспыхнули, как у дикого кота на охоте, увидевшего дичь.

– Bravo! – воскликнул он. – Bravo, дочь клана Филонель! Я в восхищении!

– Я рада, – дрогнув ресницами, ответила Агнуша. – И каковы условия?

– Официальный брак с Мудрейшим при условии зачатия, вынашивания и рождения здорового потомка. Пол значения не имеет. Участие в жизни и воспитании ребенка, прививание традиционных эльфийских ценностей, возможно, обучение магии на первоначальной ступени. Он или она должны расти истинными гражданами своей страны, ощущать любовь и заботу, уметь нести ответственность и противостоять трудностям. В общем, от вас потребуется все то, что каждый из эльфов дал бы своему отпрыску...

Герцогиня давно научилась не доверять услышанному и потому уточнила:

– Ограничения?

Ксарион качнул головой.

– Почти никаких, кроме трех! Первое: развод по вашему желанию невозможен. Второе: если вы будете хорошей матерью, у ваших ног будут весь Лималль, сокровищница, свита... Все, что пожелаете! Но ребенок должен оставаться в непосредственной близости от отца. Кроме того, вы должны дать согласие на предварительный осмотр нашим целителем. Данные, что мной получены, несколько... хм... устарели.

– Условия разумные, – усмехнулась Агнуша. – Раньше я бы не задумываясь приняла их... Но теперь мне нужно время на обдумывание. Надеюсь, оно у меня есть?

– Конечно, – уголки рта личного советника приподнялись в волчьей ухмылке, – скажем, до первого месяца лета по календарю страны вашего пребывания.

– Я отвечу раньше, – небесные глаза герцогини потемнели, – и подожду вашего ответа. До первого месяца лета по календарю страны моего пребывания.

Ксарион прищурился.

– Вы опасная женщина, Агнуша, но вы мне нравитесь. Свяжитесь со мной, как только будете готовы дать ответ. Мой личный канал связи прописан в ваше зеркало. До встречи!

Амальгама потемнела. Рю Филонель задумчиво накручи-

вала на палец безупречный локон. Ее сердце дало ответ сразу, едва услышало вопрос. Ответ, удививший ее саму. Теперь стоило выдержать паузу и донести его до личного советника. И после этого она будет знать о своем будущем. Будущем королевы Лималля или безымянной эльфийки, прозябающей где-то на окраине зримого мира.

* * *

Пока Его Величество отдыхал в Невьянском замке, оставшиеся во дворце родственники завели традицию второго завтрака. Первый, ранний, в шесть утра, Бруни по-прежнему готовила сама и кормила мужа в личных покоях. А вот на второй, около полудня, в Малую королевскую столовую собирались Их Высочества и иногда близкие друзья. Принц Колей данное мероприятие посещал редко, ибо ночной образ жизни не способствовал даже полуденному подъему.

Сегодня подавали короля завтраков – омлет с замеченными в нем перепелами, три вида ветчины, буженину, зелень и «деревенский» хлеб. Последний был предметом особой гордости Старшей королевской булочницы, ибо услышанный на рыночной площади от какой-то торговки рецепт серой булочки Ванилла довела до совершенства, пробуя добавки разных трав и ароматических смесей. К краюхе – ноздреватой, с толстой коркой – руки одновременно потянули и Ее Высочество Бруни, и Ее Высочество Оридана, и Его Великолепие Дрюня

Непревзойденный! Последний оказался шустрее всех. Посмотрев на вытянувшиеся лица принцесс, шут возвел глаза к небу и елейным голоском произнес:

– О, Пресветлая, молю тебя о мужестве слопать этот дар богов в одиночестве!

Индари молчала.

– Нет? – удивился Дрюня. – Ну тогда, – он лукаво сверкнул глазами, – молю тебя о мудрости! О! Я чувствую ее!

Разломив краюху на три равные части, он отдал две Бруни и Оридане, а третью почти целиком запихнул в рот, заявив:

– Одной божественной мудрости в день вполне достаточно!

Смеясь, Бруни взглянула на гаракенку.

– Ваше Высочество, помните, я говорила про обычай выходить на улицы города и сажать цветы? Мэтр Шабин, королевский астролог и метеоролог, предсказывает, что почки лопнут через три седмицы. А это значит, что будет объявлен Весенний бал, а после – Большой поэтический турнир, и в город съедутся менестрели и труверы со всей страны. Интересно, – Бруни посмотрела на мужа, – а как они об этом узнают?

Тот взял ее за руку, поднес к губам, улыбнулся.

– Я отправил глашатаев по стране еще седмицу назад. Поэтому не волнуйся, родная, приедут все!

– О-о! – Оридана хлопала в ладоши. – Это значит, новые платья, платья, платья...

– И танцы, – вздохнул принц.

Сидящий у ног гаракенской принцессы маленький коричневый щен-оборотень с белым кончиком хвоста заливисто тьякнул. И тут же получил кусок ветчины.

– Он у вас скоро в двери не влезет, Ваше Высочество, – заметил Дрюня, наконец пережевавший свой ломоть.

Оридана с изящным высокомерием изломала черную бровь:

– Он много бегать! Это Коля все больше спать, а Саник – бегать как часики!

– Часики – ходить! – не моргнув глазом, подсказал шут. – А когда он обернется, кто-нибудь знает?

Его Высочество коротко глянул на щена и только головой покачал. Саник Дорош явно чувствовал себя в безопасности, оставаясь зверем среди людей.

Маленький оборотень, геройски спасший упавшего в море поросенка Колю, был привезен из больницы решительной Ориданой и теперь обитал в ее покоях. За прошедшее время он стал ласковее и игривее, чем раньше, с принцессой жил душа в душу, и ни ее, ни его не смущало то, что он так и не пробует оборачиваться, оставаясь щенком с белой кисточкой на хвосте. Как относится к приемышу супруги принц Колей – оставалось тайной, ибо в покоях супруги он не появлялся.

– Бедный малыш, – вздохнула Ванилла, тоже делясь с Саником ветчиной, – охота на тебя взглянуть, какой ты? Шкурка-то в рыжину! Неужели будет рыжий?

– У нас говорить, рыжики – к счастью, – улыбнулась Оридана, и ее глаза повлажнели.

Принцесса скучала по дому. На ее родине весна наступала на месяц раньше, чем в Ласурии, куда устремлялась оттуда на крыльях теплых ветров и океанских течений. В Гаракене сейчас всюду цвели огромные коряжистые акации, обсыпанные мелкими листьями и еще более мелкими цветами, которые источали одуряющий аромат, и ласточки рисовали в высоком небе сакральные письмена, готовясь к многодневному перелету на Тикрей.

– Ваше Высочество, а в чем вы будете сажать цветы? – спросила Бруни, желая отвлечь Оридану от грустных мыслей. – У вас есть подходящее платье?

– О! – оживилась принцесса. – Нет, увы! Надо такое... Прекрасная садовница, да? С передницей?

Дрюня подавился омлетом. Ванилла одной рукой принялась долбить мужа по спине, а другой неаристократично почесала в затылке.

– Ваше Высочество, наверное, имеет в виду передник? – осведомилась она. – Такой фартук, чтобы не испачкаться?

– Да-да! – обрадовалась принцесса. – Фар-тук!

Саник поддержал лаем. Видимо, слово ему тоже понравилось.

Двери распахнулись, впуская... Его Высочество Колея.

Несмотря на мутный взгляд и нетвердую походку, принц был выбрит, причесан и пахло от него приятно. Укропным

рассолом.

– Всем добрых улыбок и теплых объятий! – заявил он с порога. – Я в кои-то веки соскучился по семье!

– Действительно, в кои-то... – улыбнулся Аркей, хотя глаза его не улыбались. – Садись, брат.

– О, благодарю, мой господин! – склонился в шутливом поклоне Колей.

Подойдя к Оридане, чмокнул ее в макушку, как маленькую, сел между ней и Бруни, к руке которой приложился с видимым удовольствием.

– Сестренка, в твоем положении стыдно быть такой красивой, – заявил он, пока слуги подставляли посуду и накладывали омлет. – Тебе следует ходить с распухшим лицом, красным носом и толстыми губами, вон как супруга нашего обожаемого шута!

Губы Ваниллы задрожали. Она с оскорбленным видом поднялась, сделала реверанс и выскочила из покоев.

– У Вашего Высочества замылен глаз... Нет, оба! – воскликнул Дрюня, порываясь идти за ней. – Женщина, носящая в себе жизнь, прекрасна уже просто потому, что носит в себе жизнь! При чем тут лицо, нос и губы?

– Действительно, – фыркнул Колей и взглянул на Оридану, внимательно рассматривающую узор на тарелке, – интересно, как будете выглядеть вы, моя дорогая, когда наконец понесете?

По лицу принцессы поползли красные пятна.

Бруни заметила, как на щеках мужа заиграли желваки, и успокаивающе положила ладонь на его руку.

– Вы будете хорошим отцом своим детям, Ваше Высочество? – спросила она.

– Конечно, малышка! – пожал плечами принц, принимаясь за еду. – От отца я научился в совершенстве пользоваться таким инструментом воспитания, как ремень, от старшего брата – нотациями и выговорами. Что еще надо?

Матушка смотрела на него во все глаза. Почему ей казалось, что под маской циничного самца прячется мальчишка с добрым сердцем, однажды навсегда разуверившийся в окружающем его мире?

– Что еще? – пробормотала она. – Ласка, внимание, забота, тепло... Любовь. В вас это есть?

– Или все растворилось в крепких напитках? – мстительно добавил обиженный Дрюня.

Колей повернулся к Бруни и посмотрел ей в глаза.

– Во мне есть все, сестренка; нет только женщины, к ногам которой можно было бы сложить эти дары!

Ее Высочество Оридана встала, подхватила Саника на руки, коротко кивнула всем присутствующим и вышла. Прямая спина, гордая шея... и истинно королевский шлейф отчаяния.

Аркей осторожно положил вилку.

– Брат, почему ты всегда все портишь?

– Я? – изумился Колей. – Я?! С каких пор правда все пор-

тит, брат? Я сказал лишь ее!

– Не вина Ориданы, что ей пришлось стать твоей женой, – заметил наследный принц. – За что ты мучаешь ее?

– Не моя вина, что мне пришлось стать ей мужем, – прищурился его младший брат. – За что мне это? Это ты должен был жениться на ней! Но отец решил иначе...

Аркей и Бруни переглянулись. Если Колей и знал про проклятие лесной ведьмы, долгие годы довлевшее над старшим принцем, то знал не все. Например, не знал о том, что, давая согласие на брак Ориданы и Колея, Его Величество Редьярд спасал гаракенской принцессе жизнь, а ласурской династии – саму возможность существования.

– Не нам осуждать его решение, – спокойно сказал Аркей. Мгновение гнева прошло – теплая ладонь жены на его руке была тому порукой. – Признайся себе, брат, брак ничего не изменил и не изменит в твоей жизни! Как и отец, я не стану требовать от тебя верности Оридане, но потребую выполнения протокола! Еще одно обидное слово, взгляд в ее сторону – и ты будешь наказан.

– Да кто ты такой, чтобы наказывать меня? – изумился Колей.

– В данный момент – король Ласурии, – Аркей внимательно смотрел на него.

Под взглядом темных глаз старшего брата младшему принцу стало не по себе. Он поднялся, швырнув салфетку на тарелку.

– Вот и позавтракал в кругу семьи! Спасибо за теплый прием!

И вышел, хлопнув дверью. Следом ушел шут.

Бруни, пригорюнившись, смотрела вслед. Великовозрастного балбеса воспитывать поздно, но что-то с ним делать нужно?

В коридоре Дрюня догнал супругу и привлек к себе с такой страстью, что оба едва не кувыркнулись:

– Не верь никому, радость моя! Ты у меня самая красивая!

И в ту же минуту Ванилла действительно стала прекрасной.

* * *

Чуть изменив настройки зеркала, Ники разглядывала бескрайние заснеженные пространства с темными пятнами непроходимых чащоб, иззубренные фьордами берега, свинцовую воду Северного моря...

Узамор, страна контрастов, осколок Вечной ночи, более других сохранивший тогдашний климат и природу. Человек, с которым она собиралась побеседовать, не так давно стал полновластным господином этой земли – герцог Атрон рю Воронн, королевский наместник в Узаморе, по высочайшему указу Редьярда Третьего сменивший на посту владетельного герцога Ульверта.

Архимагистр рю Воронна, мягко говоря, не любила. Зна-

ла кое-что о его проделках – она о многих кое-что знала, – и не раз ловила себя на желании развеять этого черноволового красавца в пыль, чтобы и воспоминания о нем не осталось на тикрейской земле. Однако, каким бы ни было желание Ники, архимагистр Никорин развеивала в пыль только по служебной необходимости, а таковой пока не случилось. К ее величайшему сожалению.

Зеркало показало приближающийся Рокунар, древнюю резиденцию узаморских князей, столицу княжества. Ульверта сейчас здесь не было – с облегчением передав Атрону бразды правления, стодевятилетний старец удалился в уединенную обитель на берегу моря.

Мощные каменные стены, поросшие белым арктическим лишайником, арки и висячие мосты, на которые страшно ступить – такими тонкими они казались, – знаменитые рокунарские мосты без перил, горбатые, с двойными ступенями – настоящее испытание мужества для приезжих. Княжеские хоромы – просторные, террасами взбирающиеся к низкому серому небу.

Подперев кулачком щеку, Ники смотрела на бесконечные коридоры со стрельчатыми потолками, украшенные белыми шерстяными коврами, на залы, отделанные хрусталем и дымчатым кварцем – и то, и другое добывалось в шахтах Серой скалы, где обитала одна из крупных гномьих диаспор Тикрея. Узаморцы любили простор и не боялись холода, только этим и можно было объяснить размер помещений, которые

невозможно было обогреть даже большими, щедро украшенными резьбой по камню каминами. Ники с грустной усмешкой думала, что королева Рейвин, в момент прибытия в Вишенрог более походившая на испуганного олененка, получила твердость и силу характера из соков родной земли. Они были очень похожи – Узамор, расцветавший невозможными оттенками летников всего на полтора месяца в году, а все остальное время скрывающий свою волшебную суть под свинцом камней, малахитом лесов и кобальтом моря, и юная принцесса, впоследствии ставшая самой любимой и почитаемой из ласурских королев.

Архимагистр поморщилась – не любила вспоминать ту давнюю историю... Хотя и собиралась пообщаться с одним из ее непосредственных участников.

Он сидел над бумагами, хмурился и чуть шевелил губами, будто что-то подсчитывал или повторял. Красивый породистый самец с резкими чертами лица и черными волосами. Лишь виски стали совсем белыми. Легкая небритость делала его еще более привлекательным; простой камзол, распахнутый на груди, не скрывал ширину плеч.

Склоняя голову то к одному плечу, то к другому, Ники разглядывала Атрона рю Воронна, а он не знал об этом. Маленькие магические хитрости... В конце концов, архимагистр она или нет?

Его зеркалу наконец позволено было тренькнуть. Атрон поднял отсутствующий взгляд, увидел Ники, удивленно под-

нял брови.

– Архимагистр Никорин... – Едва кивнул, подлец! – Чем обязан?

– Если вы заняты, Ваша Светлость, я свяжусь с вами позже, – ележно улыбнулась та.

– Ни в коем случае, – усмехнулся тот, – почтите меня своим присутствием, или будем разговаривать так?

Ники подумала мгновение.

– Пожалуй... я сейчас буду.

Движением руки приманила к себе меховую муфту, открыла портал и шагнула в Узамор, заранее повывисив градус в подогревающем коконе. От дыхания Атрона шел пар – это значило, что теплолюбивая Никорин замерзла бы в его покоях уже в первые минуты разговора.

– Вы совсем устроились, я вижу? – прощепетала она, делая шаг на каменные плиты.

Ковры здесь лежали только под столом и у камина, толстые, мохнатые, белые. В такие было бы приятно погрузить босые ступни, если бы не холод. Бр-р... Ники еще чуть повывисила градус.

Атрон встал, отодвинул ей стул напротив стола, отметил, как старательно она прячет руки в муфту, и предложил:

– Выпьете чего-нибудь согревающего? Для вас здесь слишком свежо!

– Свежо? Да здесь можно околеть, еще не произнесся приветствия, – сбросила маску любезности архимагистр, садясь

и делая жест Атрону, чтобы тоже сядил. Жест, которому нельзя было не повиноваться.

Однако тот промедлил. Все же он был хозяином в своем доме, хоть она могла за мгновение превратить и этот дом, и Рокунар в груды тлеющих углей.

– Обойдемся без напитков, Атрон, – Ники холодно смотрела на него своими глазами цвета озерного льда, зная, как тяжело выдержать *такой* взгляд. – Герцог рю Вилль должен был направить вам секретное донесение о предположительном наличии на территории Узамора угрозы для всего королевства. Надеюсь, вы его получили?

– Получил и изучил со всем тщанием, – спокойно кивнул Атрон. – Данные проверяются. Мои люди нашли две подпольные лаборатории, где – предположительно! – проводились опыты не только над оборотнями, но и над людьми... Но, к сожалению, они давно брошены.

– Рю Вилль знает об этом? – уточнила Ники.

– Пока нет... Эта информация ничего не даст ему. Мы продолжаем поиски.

Архимагистр молча смотрела на него.

– Когда у меня будет что сообщить – я сообщу, – с нажимом добавил герцог.

Ники откинулась на спинку кресла, положила ногу на ногу.

– Что ж, перейдем к делу. С нашей стороны в вашу направляется... тайный агент. Он идет по следу тех бешеных

тварей, что попали в Ласурию с севера.

– Оборотень? – уточнил Атрон и поморщился. – Здесь с ними сложно. Вражда пустила слишком глубокие корни. Большинство населения не одобряет последние реформы правительства.

– Им потребуется больше времени, чем остальным, но рано или поздно они поймут и прочувствуют выгоду союза с оборотнями, – пожала плечами Ники. – Наш агент работает в одиночку, без прикрытия; какую дорогу он выбрал, мы не знаем. Знаем лишь, что рано или поздно он окажется в Узаморе. Мы не хотели бы... упустить этот момент.

Атрон прищурился.

– Не доверяете своему агенту, архимагистр?

– Не доверяю его инстинктам, – не стала скрывать Никорин. – Охотник вроде него, вставший на след, позабудет обо всем кроме дичи. Кроме того, он всегда был несколько... своеволен. И для любой ситуации у него найдется свой оригинальный взгляд.

– Я его знаю? – уточнил рю Воронн.

– Полковник Лихай Торхаш Красное Лихо.

– Кроме всего прочего, доверенное лицо наследника престола, – помолчав, пробормотал герцог. – Если он пропадет без вести на узаморской земле...

Ники молчала. Рю Воронн был негодяем и деспотом, но дураком его не назвал бы даже злейший враг.

– Вы знаете свою землю, – мягко произнесла она, будто

подсказывая. – Знаете лучше, чем кто-либо в Ласурии.

– Я вас услышал, архимагистр, – кивнул Атрон. – Чем еще могу быть полезен?

Ники поднялась, сладко потянувшись. Костюм натянулся на груди, грозя разойтись... Ей нравилось дразнить даже ненужных гусей!

Рю Воронн скользнул по ее телу равнодушным взглядом. Сын Севера... Кусок льда!

Ступая в мягкий ковер своих покоев, архимагистр Никорин мечтала не о холодных мужчинах – о кружке с горячим брусничным морсом!

* * *

Бруни осторожно приоткрыла створку двери, ведущей в покои Ориданы. Надеялась услышать плач, но дело было куда хуже: хрупкая черноволосая фигурка принцессы недвижно застыла у окна. Саник Дорош лежал под ее стулом, тоскливо устроив морду на лапах. Почуввав чужого, заворчал, однако, разглядев посетительницу, замолчал, продолжая следить за ней умными коричневыми глазенками.

Матушка, поморщившись, покрутила на пальце рубиновый перстень – тяжел был, зараза, но снимать королевский подарок не полагалось по протоколу. Подошла к Оридане, села напротив, взяла ее за руки. Тонкие пальцы были ледяными.

– Что между вами происходит? – мягко спросила Бруни. – Чем мы с Аркеем можем помочь?

Гаракенка перевела на нее сухие глаза.

– Ничего... ничего не происходит! С той ночи... на корабель... он не ночует тут! Как я могу стать беременной без муж? – дрожащим голосом сказала она. – И как можно меня упрячь за это?

– Упрекать, – машинально поправила Бруни. – Ваше Высочество, я сожалею, что брат моего мужа ведет себя по отношению к вам как последний говнюк!

Оридана моргнула.

– Как кто?

– Какашкин сын, – перевела принцесса слово в более понятную для иностранки форму.

Оридана несколько минут смотрела на нее в полном обалдении, а потом вдруг захохотала. Смеялась она долго, сделавшись неуловимо похожей на дядю, герцога Ориша. Затем вытерла слезы, нащупала под стулом Саника и, втащив его на колени, прижала к себе.

– У меня уже есть малыш! А Его Высочество Колей может спать где ему угодно!

Бруни почесала щена за ушами, заглянула в глаза с безмолвным вопросом: «Ну когда же ты обратишься?» Тот прижимал ушки, вилял хвостиком и на вопрос не отвечал.

– Только помните, Ваше Высочество, что Саник не игрушка, – попросила она. – Вам следует подумать об опекунстве,

если вы хотите официально заботиться о нем. Естественно, следует спросить согласия супруга.

Гаракенка смешно приподняла верхнюю губу – явно у своего оборотня научилась скалиться, выражая нехитрой гримаской угрозу и насмешку одновременно. Однако ее голос звучал грустно, когда она сказала:

– Все дети не игрушки, кроме королевских.

Возвращаясь от нее, Бруни всерьез пыталась вспомнить, куда Его Величество дел подаренный цеховым старшиной Виньогретом ремень. Необходимо поговорить с Колеем, но нужно сделать это тогда, когда он будет трезв хотя бы вполовину от сегодняшнего! Как убедить его? И в чем? Что следует любить и почитать супругу? Принцесса мысленно взялась за голову. Бред! Ему не нужны ни любовь, ни почитание! Ничего не нужно, лишь прожигать жизнь день за днем, не задумываясь о будущем. И что с таким делать? Ах, как не хватало ей опыта ее матушки – матушки Хлои! Не хватало отцовских простых и понятных истин. Она даже вообразить не могла, что однажды задумается о воспитании не собственных детей, а одного здоровенного и не очень умного детины, которому жизнь отмерила сполна и здоровья, и знатности, и богатства!

От Его Высочества ни-в-чем-не-нуждающегося принца Колея мысли Бруни неожиданно перекинулись на тех, кто едва сводил концы с концами. Жизненный опыт ясно показывал ей, что богатство или бедность не влияют ни на харак-

тер, ни на внутренний стержень человека. Если тот подл – он останется таким и в роскошном экипаже, и в придорожной канаве! Правда, богатым не приходится задумываться о средствах на похороны. На них не собирают деньги всем кварталом, как на вдову Рашписа...

– Григо, – негромко позвала принцесса, идя в этот момент по одной из галерей, стены которой были украшены портретами государственных деятелей и витражными окнами, разбрасывающими по каменным полам пригоршни разноцветных бликов.

Хорошо, что в галерее никого не было, потому что секретарь выступил прямо из стены и почтительно склонился перед Бруни.

– Я здесь, Ваше Высочество!

– Можем ли мы основать фонд? – спросила она, справившись с удивлением.

– Еще один фонд? – уточнил Хризопраз, с готовностью раскрывая голубую папку.

– Еще, – кивнула Бруни, – для сбора средств от добровольцев на похороны тем, у кого нет ни родственников, ни возможности накопить деньги самостоятельно.

– Мы попробуем, – улыбнулся Григо, – отчего бы и нет?

– Отлично! – обрадовалась принцесса. Знала, что, когда Хризопраз говорит «мы попробуем», в успехе предприятия можно не сомневаться! – А сейчас за работу, Григо... Пресвятые тапочки, какое оно тяжелое!

– Кольцо? – уточнил тот, лукаво блестя глазами. – Когда мы дойдем до кабинета, вы его снимете! Ручаюсь, ни я, ни Его Высочество Аркей ничего никому не расскажем!

Бруни благодарно кивнула.

В одну из ночей она все-таки призналась Аркею в том, кто такой Григо Хризопраз. И наблюдала, как меняется выражение лица мужа – со внимательного, серьезного до удивленного, изумленного и наконец возмущенного. Судя по всему, он решил, что это розыгрыш! Но когда понял, что ошибается, затих и долго молчал. Затем притянул к себе взволнованную супругу, обнял крепко как мог и прошептал: «С тобой в мою жизнь вошла любовь – самое большое из всех чудес, что могли случиться! Все остальное... пугающе, но уже не так важно!» Она тогда расплакалась – с какого-то момента любое воспоминание о прошлом стало причинять боль, которую раньше удавалось сдерживать. Видимо, дело было все-таки в «неконтролируемых эмоциях», озвученных мэтром Жужином. На следующий день Его Высочество Аркей вызвал к себе секретаря принцессы и провел с ним несколько часов в кабинете, за закрытыми дверями, отложив остальные дела. Бруни все это время промаялась в гостиной-библиотеке, с ужасом наблюдая, как вылетает из-под дверей дымок, явственно пахнувший серой. Когда двери распахнулись, и принц, и секретарь выглядели как обычно, но смотрели друг на друга как люди, связанные общей тайной. Что рассказал Григо Хризопраз, осталось неизвестным, однако с тех

пор Аркей гораздо спокойнее относился к прогулкам жены по городу инкогнито, лишь настаивал на обязательном присутствии личного секретаря.

– Ваше Высочество, сюда идут! – вдруг воскликнул секретарь и исчез, будто его и не было.

Принцесса посмотрела в дальний конец галереи. Крепкий светловолосый силуэт в дверях был слишком узнаваем. «На ловца и зверь бежит!» – любили говаривать оборотни. Бруни развела плечи и решительно пошла навстречу безобразию Ласурской династии.

* * *

Под лапами все чаще попадались островки сухой хвои и плотного снега. Зима здесь не собиралась сдавать позиции, наоборот, укрепляла как могла: укутывала ветки деревьев в снежные меха, подсыпала сугробы под корни. Каждый из сугробов вполне мог оказаться медвежьей берлогой – хорошо, что чуткий нос заранее предупреждал красного лиса о возможности встречи с серыми гризли, которых в Узаморе было полно. Гризли – непредсказуемые, хитрые, подверженные вспышкам гнева – представляли для путешественников по лесным тропам угрозу не меньшую, чем белые полярные волки, которые были вдвое крупнее обычных и к холодам сбивались в стаи. Герцог рю Воронн, вступив в должность, первым делом увеличил количество патентов на уничтоже-

ние хищников, впрочем, ограничив охотников территориями вдоль основных трактов. Расширение и укрепление этих самых трактов было вторым важным делом, к которому он приложил руку в качестве королевского наместника. Но сейчас Красному Лиху не было дела ни до герцога, ни до его реформ. Оборотень наслаждался движением, упивался многодневной погоней за призраками, редкими часами сна, трепыхающейся в пасти дичью. Впервые за долгие-долгие годы Лихай позволил своей животной ипостаси надолго взять верх, и ему это нравилось.

Он проверил все следы бешеных, которые нашел, начиная от конца их путешествия, а точнее, от мест упокоения, и пришел к неутешительным выводам. Подозрения герцога рю Вилля подтвердились! Бешеные, все как один, явились с Севера. Они оборачивались людьми, использовали гужевой транспорт или почтовые кареты, чтобы сменить маршрут, шли по воде, стараясь запутать следы, но явно были подчинены некоей цели, невзирая на болезнь... Дурной знак! И каждый из последующих зараженных все ближе подбирался к Вишенрогу, словно стрелы, ядовитыми остриями нацеленные на столицу.

Лис фыркнул, не поднимая носа от земли. Завтра он надеялся достичь глухих лесов, разделяющих Узамор и Весеречь, которые тянулись до самого побережья, но день нынешний уже клонился к закату. Следовало поискать место для ночлега. Ночевал Лихо чаще всего на деревьях. В человече-

ской ипостаси забраться на удобную ветку ему было не сложно, а сон на высоте гарантировал возможность проснуться несъеденным. Ему уже случалось поутру разгонять волчьи стаи, терпеливо ждущие, пока добыча свалится с дерева, но то были обычные волки. А здесь, в Узаморе, могли встретиться полярные, которые хотя и были крупнее своих серых братьев, но по деревьям лазить также не умели. Зато умели барсы!

Лисью морду исказила усмешка. Нет, он и в самом деле балдеет от таких перспектив! Давно надо было отпроситься у Арка в дальний вояж и засунуть подальше свою человеческую ипостась! Когда идешь по следу, думая только о предстоящих драках, кошки на сердце не скребут и не наглеют разочарования прошедших дней!

Сзади неожиданно донеслось смешное похрюкивание. Лихай оглянулся и прибавил ходу. Узаморские гризли, особенно проснувшиеся слишком рано, хрюкали похлеще матерых кабанов... до того как зареветь. Что и сделал здоровенный самец-пятилетка, бросившись за чужаком. «И чего привязался?» – лениво подумал оборотень, понадеявшись, что гризли скоро отстанет, ведь известно: медведи долгой беготни не любят. Однако пятилетка оказался упорный. «Да что такое?» – в очередной раз оглянувшись и убедившись в том, что гризли продолжает погоню, удивился лис.

И вдруг ощутил это...

Эту свежесть...

Это биение сердца в ритмике мелкой вибрации...

Эту сладость бытия.

Весна, хоть и не являла цветущий лик заснеженному Узамору, слала своего вестника, главного для всех животных, – Гон.

Пришедший в себя от долгого зимнего сна гризли защищал свою территорию от чужаков!

Поняв, что от него не отделаться, Лихо начал притормаживать, подпуская преследователя ближе. Когда горячее медвежье дыхание едва не коснулось великолепного рыжего хвоста с черным кончиком, оборотень резко остановился и развернулся боком. Налетевший на него гризли перекувыркнулся, смешно сверкнув в воздухе розовыми пятками, рухнул на землю и тут же оказался прижат тяжелым телом оборотня. Не давая противнику двигаться и касаясь его горла кинжалоподобными клыками, Лихо низко зарычал, подавляя его волю. И рычал до тех пор, пока пятилетка не перестал дергаться и не признал победителя. Лишь тогда, для верности щелкнув зубами, лис сделал огромный прыжок в сторону и помчался дальше, уже не ощущая за спиной погони. На его морде было написано блаженство. «Еще бы со стайей полярных волков... Один на всех... Поищу, пожалуй!»

* * *

Они шли друг к другу с разных концов галереи – малень-

кая принцесса, сурово сжавшая губы, и не совсем трезвый принц.

– Ваше Высочество, – кивнула Бруни, – есть разговор, но для него вы слишком пьяны...

Криво улыбающийся Колей от удивления едва не запутался в ногах и не упал.

– Ты откровенна, сестренка, – заявил он, подходя и целуя ей руку. – Мы можем подождать, пока я протрезвею, и побеседовать, например, о погоде. Нынче потеплело, Ваше Высочество, с гаракенских берегов задули теплые ветры, значит, и течения не за горами!

– А я настаиваю, чтобы вы прогулялись со мной...

– Куда угодно, малышка!

– ...к мэтру Жужину!

– Зачем? – изумился принц. – Я совершенно здоров!

– Но наследника у вас пока что нет? – прищурилась Бруни, беря его под локоть крепкой ручкой трактирщицы и разворачивая к тому выходу из галереи, что вел в сторону покоев королевского целителя.

Колей попытался вырваться.

– Сестренка, умоляю, не уподобляйся моему братцу-зануде! Тебе это не к лицу... Ты пахнешь так восхитительно...

Он наклонился к ней, со стоном вдохнув аромат ее волос. Бруни со всей силы лягнула его в голень.

– Оу! – воскликнул принц.

– Я серьезно намерена поговорить... с тобой! – впервые

обращаясь к нему на «ты», сказала принцесса. – И не позволю помешать мне в этом! Или ты идешь со мной к мэтру, или – на все четыре стороны, но больше доброго отношения не жди!

Его Высочество взглянул на нее с изумлением и просто-душно заметил:

– Ты же трактирщица, малышка! Подавальщица! Как смеешь ты говорить так с особой королевской крови?

– В тебе сейчас вина больше, чем крови, – пожалла плечами Бруни, – и – да! – я была трактирщицей и не стеснялась подавать еду и напитки тем, кто в этом нуждался. А ты стесняешься подарить супруге хотя бы одно доброе слово!

Колей очумело затряс головой, перехватил руку принцессы и сам потащил ее к выходу.

– Мне определенно нужно протрезветь. Хотя я уже начал – от твоей, малышка, наглости!

– Меня зовут Бруни, – ровно ответила та.

Мэтр Жужин с наслаждением предвкушал препарирование лягушки. Когда раздался стук в дверь, несчастное земноводное уже сидело на лабораторном столе.

– Войдите! – крикнул целитель, поворачиваясь.

На пороге стояли запыхавшаяся принцесса Бруни и принц Колей со странным выражением лица. У людей с таким выражением мэтр обычно диагностировал запор.

– Дайте мне что-нибудь для трезвости мысли! – рявкнул красный как рак Колей, в эту минуту очень похожий на отца.

Жужин развел руками:

– Но, Ваше Высочество, трезвость мысли – вовсе не ваш конек!

– Дайте ему что-нибудь от опьянения, – устало пояснила Бруни. – Чтобы прийти в себя быстро и без последствий... для трезвости мысли.

– О, тогда конечно, – пробормотал растерянный целитель и отправился к стеклянному шкафу, где стояли на полках различные уже готовые тинктуры.

Выбрал одну, накапал в стакан, долил воды. С поклоном поднес Колею.

– Выпейте, Ваше Высочество!

– Это не то, что было в прошлый раз? – с подозрением поинтересовался принц, беря бокал. – От того у меня были проблемы с...

Он вдруг покраснел еще сильнее.

– Что вы, что вы! – замахал руками Жужин. – То средство я только тестировал, а это старый продукт, не раз испытанный на вашем почтенном батюшке. Пейте.

Колей жалобно посмотрел на Бруни. Та сердито сощурила серые глаза. В зимнем море и то тепла было больше, чем в них.

Тяжело вздохнув, Его Высочество выпил напиток. Покачнулся. Икнул. С благодарностью вернул стакан Ожину и тоскливо оглядевшись, констатировал:

– Не люблю трезвость мысли за серость обыденности! –

Перевел взгляд на спутницу. – Ну? Довольна, сестренка? Давай, веди меня на эшафот семейных разборок!

Мэтр смотрел на них с изумлением. Бруни кивнула ему:
– Благодарю за помощь!

Схватила принца за руку и как маленького увела прочь. Тот расстроено качал обросшей головой.

Опомнившись, Ожин вспомнил о заброшенной лягушке, но негодяйки на месте не оказалось – она самовольно решила сбежать от казни во имя науки.

– И что творится в этом замке? – расстроено пробормотал целитель и с тоской поглядел по углам: не шевельнется ли где-нибудь что-нибудь зеленое и лупатое?

* * *

Почтенный Йожевиж Агатский, Синих гор мастер, любил кашеварить. Это занятие совершенно не противоречило образу уважающих себя гномов, поскольку те во все времена обожали покушать и далеко не всегда полагались в этом на уважающих себя гномелл! Нынче Йож колдовал над жарким со свининой, тушенным в горшочках. В печи их стояло около десятка – на обеды и ужины в новый дом гномьей четы по-прежнему любили собираться друзья.

Конечно, дом был совсем не новым: в этот раз они с Виньо жильё не купили, а сняли. И сняли недорого, поскольку стоящий на отшибе дом располагался на задворках квартала

пресвятых тапочек, в роще на берегу реки. Молодожены наслаждались уединением и невысокой арендной платой, в будущем планируя покупку дома, который должен был в обязательном порядке обладать требуемыми для дома почтенного мастера качествами: основательностью, крепостью и респектабельностью. Подобные приобретения, как известно, стоили немалых денег, и поэтому Йожевижу срочно требовалась постоянная работа, не связанная с нарушением закона.

Пробуя жаркое, аромат которого уже всюду витал в небольшой кухне, Синих гор мастер гнал невеселые мысли прочь. В настоящий момент их с Виньо молодая семья не нуждалась в деньгах – вознаграждение за эскападу ласурской бригады оказалось по-королевски щедрым. Но на дом его все равно бы не хватило... Точнее, хватило бы, вот только жить потом на что? Виньо, как лучшая ученица курса, получала стипендию, на которую могла прокормить только себя, и рвалась работать в больницах по ночам – в ночные смены санитаркам и помощникам целителей платили двойной тариф. Однако муж категорически воспротивился. «Ты моя жена, Виньовинья Агатская, и я желаю засыпать с тобой каждую ночь и просыпаться каждое утро! – сказал он, нахмутив мохнатые брови. – Не для того мы с тобой бегали по лесам, как зайцы, чтобы и в семейной жизни разлучаться по ночам!» Студентка Высшей школы целителей повздыхала... и согласилась. А Синих гор мастер продолжил ломать голову над тем, куда и как устроиться на работу. Он был хорошим юве-

лиром, любил свое дело и соблюдал традиции мастерства. Его пальцы до сих пор тосковали по инструментам, камням и драгоценным металлам, однако, видимо, этой странице его жизни пришло время закрыться навсегда. Ведь, покидая родину тем образом, каким он ее покинул, Йож лишил себя возможности получить рекомендации почтенных мастеров или старшин Драгобужья, а без них не стоило соваться в ласурские гильдии механиков или ювелиров. Следовало поискать счастья у мастеров-одиночек или в других гильдиях, где требовались ученики или подмастерья. То есть, по сути, начинать все заново.

Гном сдержал тяжелый вздох. Хусним, за все надо платить – это правда. За возможность смотреть в голубые глаза любимой – тоже. Есть ли в этом справедливость?

Он заворчал, как рано разбуженный узаморский гризли. Дурным мыслям и дурным вопросам не стоит давать воли, ведь боги лучше знают, что делают!

На ступеньках крыльца зазвучал топоток, и в дом влетела запыхавшаяся Виньо.

– Торус, какой аромат! Йож, я голодна, как Дробушек! – вскричала она, вешая плащ и сумку с учебниками на одежный крюк у двери.

– У троллей нет чувства голода! – проворчал Йожевиж, любуясь супругой.

Встрепанная, румяная с весенней прохлады, с горящими глазами, она была чудо как хороша.

– Правда? – удивилась Виньо, моя руки под рукомойником в углу кухни.

– Правда, Вителья как-то рассказывала. Им еда вообще не нужна, но доставляет удовольствие. Так сказать, эстетический процесс!

Гномелла села за стол, аккуратно сложила руки перед собой и умильно уставилась на мужа.

Тот поставил перед ней горшочек с жарким, снял крышку, положил ложку.

– Эстетический? – обжигаясь жарким и шипя от раздражения и жадности, переспросила она. – Когда они лошадь с телегой целиком заглатывали – это было очень эстетично!

– Ты видела? – улыбнулся Йожевиж.

Ну девчонка, как есть девчонка-заучка! Руки чесались обнять ее, погладить, как котенка.

– Книги надо читать! – назидательно подняла палец Виньовинья. – В книгах – свет мудрости!

– К Аркаешу мудрость, почтенные хозяева, подавайте мясо! – раздалось от двери.

В дом в обнимку ввалились Дикрай и Тариша – разнеженные, как могут быть разнежены оборотни, отмечающие свою первую весну.

– Проходите, гости дорогие, – заулыбался Йожевиж. – Руки мойте и присаживайтесь!

Что ни говори, а дорога и совместные приключения сближают разных существ, заставляя ощущать друг друга семьей.

– Завтра самостоятельная работа по болезням желудочно-кишечного тракта, – сообщила Виньо фарге, – прогуливать настоятельно не рекомендую!

– А лекции? – тут же наострила уши та, выворачиваясь из объятий Дикрая, к вящему неудовольствию последнего.

Гномелла кивком указала на свою сумку.

– Я почитаю? – воскликнула Тариша.

Не дожидаясь ответа, выхватила из сумки тетрадь и устроилась в кресле у окна, иногда поводя носом в сторону обеденного стола.

– Какие еще-то болезни, кроме поноса? – хохотнул блондин, садясь за стол и с вожделием вдыхая носом мясной аромат.

Виньо укоризненно посмотрела на него.

– Ты хоть знаешь, сколько отделов насчитывает желудочно-кишечный тракт? Ты вообще знаешь, что это такое?

– Ну... кишки, – растерялся Дикрай, подтаскивая поставленный Йожем горшочек поближе, – случилось видеть, как они из животов выпадают. Скользкие такие...

– Пр-р-приятного аппетита, – мурлыкнула из кресла фарга, не отрываясь от лекций.

– Ну как можно быть таким необразованным! – схватилась за огненную голову гномелла. Червячка она немного заморила, потому могла отвлечься от жаркого и поговорить на любимую тему. – Вот слушай: рот, глотка, пищевод, желудок...

– Это все кишки? – с подозрением поинтересовался оборотень, не прекращая есть.

– Молчи и слушай! Тонкий кишечник с подотделами: двенадцатиперстной, тощей и подвздошной кишкой. Толстый кишечник, а в нем...

– Известно, что в нем, – скрывая улыбку, поддел Йожевич.

Виньо метнула на него негодующий взгляд и продолжила:

– Слепая кишка с червеобразным отростком, ободочная кишка с подотделами...

– А чо он червеобразный? – снова раздалось от двери. – Названия красивше не придумали? Виньо, зачем ты сказала? Как представила, что во мне сидит червеобразный отросток, так и настроение упало ниже Аркаешевых тестикул!

– Тори! – обрадовалась Виньо. – Руф!

Поднялась, одновременно с мужем поклонилась гостям.

Сестры Рубаки ответили церемонным поклоном и тоже отправились к рукомойнику.

– Давай закроем тему, – накрыв пальцы Виньо своей ручищей, предложил супруг, – а то так и до заднепроходного, хусним, отверстия недолго осталось! И до любимого кошачьего поноса!

– Дизентер-р-рия... – снова мурлыкнула Тариша от окна.

Рубаки в отчищенных доспехах выглядели великолепно и грозно, но носами поводили на жаркое, как и остальные. Нового контракта они пока не заключали, разумно решив, что

после приключений в Лималле нужно как следует отдохнуть. Однако оставаться без работы их деятельные натуры не могли, потому они устроились вышибалами в один из трактиров квартала механиков. Работа оплачивалась не ахти, но деньги сестрам Аквилотским были не нужны – хватало от щедрот ласурского короля. А вот потолкаться среди гномьей публики, послушать новости да иногда призвать к порядку уважающих себя мастеров им было по сердцу.

– А что, мастер Йож, ты все еще ищешь работу? – отведав жаркое, поинтересовалась Руфусилья.

– Ищу, почтенная, – коротко ответил тот.

– Гемор-р-рой, – задумчиво проворковала фарга.

– Есть один мастер у нас в квартале, уважаемый кузнец Хлопблехель. Давеча жаловался, мол, не может нормально подмастерья найти. На те деньги, что он предлагает, один молодняк безголовый идет, а ему нужен человек с понятием. И лучше в годах, дабы ветер в голове не свистел. Что скажешь, почтенный мастер?

Йожевиж, отвернувшись к печи, принялся доставать оставшиеся горшки, чтобы жаркое не пригорело. Ну и дал себе время подумать.

– Я с удовольствием выпил бы с мастером Хлопблехелем пива, – ставя перед Дикраем второй горшочек взамен опустевшего, сообщил он.

– Тогда завтра вечером, почтенный мастер, будь готов вечером в «Длиннобороде», и я вас представлю друг другу! –

улыбнулась старшая Рубака.

Йожевиж поклонился с искренней благодарностью.

Руф прекрасно знала об отсутствии у него драгобужских рекомендаций, но ее это не смутило, как не смутила любовная история мастера в годах и молодой гномеллы из знатного семейства. Воистину друзья существуют для того, чтобы помогать друг другу в непростые моменты жизни, а не следовать установленным правилам!

– Я тоже хочу в «Длиннобород»! – заявил Дикрай. – Слышал, там варят отличный темный эль!

Рубака улыбнулась:

– Значит, ты идешь с нами, Рай.

– Куда это приглашают всех, кроме нас? – раздался задорный голос.

– Вита! – Виньо поспешила навстречу подруге, за спиной которой улыбались Ягорай рю Воронн и Дробуш Вырвиглот. – Яго! Дробушек!

– Мойте руки, и за стол! – привычно произнес Йожевиж.

Его настроение улучшалось с каждой минутой. Главное – не поддаваться унынию, не предавать свою любовь, доверять богам и иметь друзей; остальное – дело наживное.

– Пр-р-рободение... – мечтательно пропела Тариша.

* * *

Жемчужиной древнего замка ласурских королей был кры-

тый розарий – круглое помещение в центре донжона, куда выходили несколько дворцовых галерей. Капризные цветы распускались здесь круглый год – не без магического вмешательства, разумеется. Королевский маг, мэтр Просто Ква-син, лично контролировал необходимые для этого условия. В числе подарков, привозимых Его Величествами из разных стран, часто встречались экзотические растения. Большинство из них в ласурском климате существовать не могли и тоже нашли здесь прибежище под дополнительным стеклянным куполом, под которым мэтр поддерживал постоянную температуру, уровень влажности и освещенности. Экзоты крепили и разрастались, обвивая специальные подставки и образуя среди цветочного моря скрытые для посторонних глаз гроты. Поскольку разговор предстоял тяжелый, Бруни именно сюда привела принца Колея, собираясь поведать всю правду о проклятии, наложенном лесной ведьмой на старшего сына короля.

Его Высочество вертел головой, будто впервые попал в розарий. Когда принцесса спросила его об этом, легко ответил: – Вспоминаю, где и с кем проводил время! Вон в той беседке у меня была такая горячая фрейлина, просто ах... А вот там...

– Сядем! – твердо прервала поток воспоминаний Бруни и за рукав камзола утянула принца в один из гротов. – Я хочу рассказать тебе кое-что и надеюсь на твою честность и честь.

– Даже так? – изумился Колей, покорно усаживаясь на

украшенную малахитом скамейку напротив нее. – Ты изменила моему братцу и не знаешь, как сказать ему об этом? Или, – он картинно схватился за голову, – ты только собираешься ему изменить? Со мной! О! Это было бы замечательно!

– Неужели тебя интересуют только победы на любовном фронте? – не выдержала принцесса. – Ведь есть в жизни гораздо более важные вещи: преданность, долг, любовь...

– Ой, не надо! – Колей с брезгливой миной затряс в воздухе кистями красивых рук. – Слышал я эти сказочки и раньше, но для меня они так и остались сказками. Все, о чем ты говоришь, пыль земная, а жить надо сегодняшним днем так, как будто он последний! Люди, знаешь ли, иногда неожиданно умирают!

Бруни пожала плечами.

– Тем более стоит задуматься о том, как ты живешь, чтобы пред ликом Пресветлой не краснеть за прожитое, как помидор!

– Ты позвала меня читать нотации? – прищурился принц, становясь серьезным и даже злым. – Уволь, я ухожу. Мне хватает отца и брата!

– Постой! – она положила ладонь на его плечо. – Я хочу тебе рассказать одну историю. О трактирщице и знатном господине, пришедшем поужинать в ее заведение. И о том, что из этого вышло. А ты слушай и не перебивай меня, хорошо?

От того, что она обращалась с ним ровно, спокойно и как-

то... близко, Колею с самого начала было не по себе. Задуманных бесед с придворными он не водил, друзей, как Дрюни у Его Величества, или офицеров полка, как у Аркея, с которыми можно было бы болтать обо всем и быть таким, какой ты есть, у него не нашлось. А с женщинами о чем вообще разговаривать?

Поэтому в ответ на вопрос он молча кивнул.

По мере повествования Бруни на лице принца проступала гримаса изумления, смешанного с возмущением. Девчонка дурит его, рассказывая о нависшем над братом проклятии, о драконьей чешуе и о том, что свое счастье можно просто так отдать за счастье другого человека!

– Я хочу, чтобы ты понял... Кай, то есть Аркей, тогда не мог жениться на Оридане. Ни на ком не мог! Поэтому твой отец принял такое решение. А дальше... Дальше обстоятельства оказались сильнее нас всех! – закончила говорить принцесса, смахивая со щек невольные слезы. Воспоминания вновь причинили ее сердцу боль.

Его Высочество долго молчал, разглядывая ее, как разглядывают дети удивительную рыбу в аквариуме. Затем поднялся, прошелся по дорожкам, сбивая нежные головки роз резким ударом ладони. Вернулся. Встал напротив Бруни, засунув руки в карманы брюк.

– Я тебе не верю! Признайся, ты это придумала, желая вправить мне мозги! Драконов уже несколько тысячелетий не существует! Ну, положим, я могу поверить в то, что ка-

кая-то ведьма, с которой перепихнулся мой отец, решила испортить ему жизнь. Так почему она прокляла Арка, а не его? Уж я бы знал об этом!

Бруни пожала плечами. В душе было пусто, будто там пронесся сильный ветер, выметая эмоции. В очередной раз принцесса задалась вопросом: неужели это все произошло с ней? Удивительно!

– Твое дело, Колей, – медленно ответила она. – Я честна перед Пресветлой и людьми, честна и перед тобой. Тайна, которую я открыла тебе, не исправит прошлое, повернув вспять твою семейную жизнь. Но, возможно, ты перестанешь чувствовать себя несправедливо обиженным малышом, которому подарили не ту лошадку!

– Твоя терминология меня убивает! – пробормотал принц.

– Я говорю лишь то, что вижу, – пожала плечами Бруни, – а вижу я не Его Высочество Колея, а просто Колея – молодого человека, бесцельно прожигающего свою жизнь.

– Молодого? – возмутился тот. – Да я тебя старше на два года!

– А ведешь себя как дитя неразумное, – впервые за время разговора улыбнулась Бруни. – Будь добр, ответь мне: почему?

Принц промолчал.

– Прошу тебя, ради нас всех, будь добрее к супруге! – взмолилась принцесса. – По несчастливому стечению обстоя-

ательств Оридана в любви оказалась обделена судьбой, как и ты. Но ты дома, Колей. А она – на чужбине!

Его Высочество резко выдохнул.

– Ты просишь меня о жалости, сестренка?

– О сочувствии. Если, конечно, ты знаешь, что это такое!

Принц отступил на шаг назад, оглядел невысокую темно-волосую собеседницу с ног до головы.

– Ты до ужаса сейчас напоминаешь мне кого-то, но я никак не могу понять кого! Однако чувствую – когда вспомню, мне это не понравится!

Бруни спокойно смотрела на него своими глазами цвета осеннего моря. Не нервничала, не сердилась – молчала, и было понятно, что ждать ответа – того ответа, что желает услышать, – принцесса может до скончания века.

– Соблюдение этикета, небольшие знаки внимания, пацки – этого будет достаточно? – буркнул Колей.

С братом, буде тот решил бы поговорить с ним об этом, он не согласился бы просто из чувства противоречия. А здесь...

Шевельнулось в душе что-то забытое, теплое и строгое одновременно. Да, его тянуло к Бруни, как к женщине, он был бы не прочь полакомиться такой милашкой, невзирая на то, чья она жена, но тянуло к ней и по-другому... А как – он и сам пока не понимал.

– Принцесса заботится об оборотне, Санике Дороше, – заметила Бруни. – И хотела бы стать его официальным опекуном, но для этого требуется твое согласие.

– Ему мамка нужна, – покачал головой принц, – он же совсем малявка еще...

– У Ее Высочества сердце полно любви и нежности, а детей пока нет... – тихо сказала Бруни.

Колей вскинул на нее глаза. Только один человек на его памяти мог быть мягок, как любящие объятия, и тверд, как алмаз в наверху ласурской короны. Только один человек мог в несколько слов уместить столько смыслов. Человек, которого он оплакивал до сих пор – там, в глубине души, куда никому и никогда не давал доступа. Его мать.

Неожиданно сердечная скорбь вскипела мутной пеной ярости. Никто не достоин того, чтобы быть похожим на нее, Рейвин Моринг, ласурскую королеву! Никто, и тем более эта выскочка, кабатчица, грязная потаскуха!

– Теперь я понял: ты и у себя в трактире сводней подрабатывала, сестренка, – зло рассмеялся Колей. – От прежних привычек трудно избавляться! Вот что я скажу тебе, трактирщица-подавашка, шла бы ты к... моему братцу и ублажала бы его речами или чем ты там его ублажаешь по своей простецкой традиции! А ко мне не вздумай больше подходить с задушевными разговорами! Или я не посмотрю на то, что ты жена Арка, и оприходую тебя так, как пожелаю. А после расскажу всем, что ты сама прыгнула ко мне в постель!

Он шагнул к ней, тронул сильными пальцами маленький упрямый подбородок... Резко развернулся и пошел прочь – красивый, широкоплечий, светловолосый.

– Ваше Высочество, вы как? – раздался голос Григо Хризопраза, едва принц покинул оранжерею.

Бруни задумчиво смотрела на пылинки, порхающие в солнечных лучах, косо падающих на пол из окон. А затем вдруг улыбнулась секретарю:

– Знаешь, Григо, мне кажется, я наконец до него достучалась!

– Знаете, Ваше Высочество, я уже тоже готов был ему настучать! – в тон ей проворчал Хризопраз.

* * *

Иногда Его Величеству Редьярду Третьему хотелось свернуть в бараний рог гибкое тело своей любовницы. О, этим телом можно было любоваться до бесконечности, ибо оно казалось самой природой: упругие холмы, уютные долины, заманчивые впадины, плавные линии, гладкость, яркие чистые цвета. Но за его великолепием стоял характер, за который Рэд одновременно и уважал, и недолюбливал герцогиню рю Филонель. Если Агнушке что-то втемяшивалось в прелестную головку – выбить это оттуда не представлялось возможным, не воспользовавшись палаческим топором. Мудрая эльфийка чрезвычайно редко показывала упрямство сиятельному покровителю, но уж если показывала, тому оставалось либо гневаться, либо просить помощи у Индари.

После успешной реконструкции внутренних помещений

Невьянского замка герцогиня всерьез увлеклась идеей разбить новый сад на месте старого, заброшенного, – с зелеными лабиринтами, фонтанами, изящными беседками и прочей прелестной ерундой, на которую Его Величество обычно не жалел денег и не обращал внимания. Поэтому все разговоры о скором отъезде в Вишенрог Агнуша воспринимала в штыки. А между тем возвращение короля в столицу становилось насущной необходимостью.

– Пора уезжать, – в очередной раз сказал Редьярд любовнице, когда они после страстной сцены отдыхали, лежа обнаженными на шкурах у горящего камина. – Мое отсутствие порождает массу кривотолков. Самые популярные из них: я подхватил дурную болезнь, вследствие чего сошел с ума и вообще нахожусь при смерти!

Агнуша, устроившаяся к королю спиной, развернулась и легла ему на грудь. На Редьярда обрушился водопад растрепавшихся белокурых локонов, скрыв окружающее.

– Мой дорогой, на эту весну надо задержаться здесь! – промурлыкала она. – Ваш сын со всем справляется, справится и со слухами! Он истинный правитель, перенявший эту черту от отца. Природа оживает, скоро тут будет просто великолепно! Я уже подготовила план разбивки нового сада! Мы будем с вами гулять, болтать о пустяках... В столице мне так не хватает вашего внимания!

– Вам вполне хватает внимания свиты, а болтать о пустяках королю не к лицу, – хохотнул Рэд, с удовольствием сжи-

мая ее упругие ягодицы. И выдал главный аргумент: – Ласурии нужно срочно укреплять отношения с Драгобужьем, а в смутные времена, наступившие после смерти Крамполтота, это непросто!

Эльфийка гневно взглянула на короля и отстранилась:

– Какие-то гномы вам дороже меня, Ваше Величество?!

Меня, которая выполняет все ваши прихоти и терпит гульбища с простолюдинками! Меня, которая обожает вас! Меня, что уже столько лет рядом с вами как... верная жена!

– Мое золотце, – Редьярд выпустил ее попку и почесал свои яйца, – настоящая королева не упрасивала бы меня остаться в Невьянском замке, гулять по саду и болтать о пустяках, когда на носу встреча с гномами!

Эльфийка на мгновение выпустила когти, оставляя на его груди красные полукружия. Только это и дало королю понять, что удар достиг цели и любовница в бешенстве.

– Вы правы, Ваше Величество! – холодно сказала Агнуша, поднимаясь и в чем была направляясь к двери. – Я не королева! И, если я правильно поняла вас, никогда ей не стану!

Король молча ждал, когда она покинет спальню, хлопнув дверью с такой силой, что зашатались позолоченные канделябры у входа, и лишь потом с облегчением произнес:

– Вы меня правильно поняли, дорогая...

Створка приоткрылась. На лице Редьярда отразилось изумление – герцогиня если обижалась, то надолго! Однако в образовавшуюся щель проник большой кожаный нос, по-

водил по воздуху и вытянул за собой Стрему. Весеречский волкодав эльфийку не терпел и старался держаться от нее подальше.

Его Величество потрепал радостно процокавшего к нему пса по загривку, позвонил в колокольчик, вызывая прислугу, и отправился в купальню.

Вода с шипением вырывалась из крана, в бронзовой ванной играли радостные пузырьки. Конечно, от Агнушки был толк – подвергнутый капитальному ремонту замок с оборудованными системами канализации и водоснабжения тому пример! Но отношения слишком затянулись... Пришла пора расставить всё по своим местам.

Опускаясь в горячую ванну, король неожиданно вспомнил о жене, о которой старался вообще не вспоминать. Как много общего, оказывается, связывало его с Рейвин... Дети, устремления, отношение к народу и государству. Да почти всё, кроме любви! Пойми он это тогда, много лет назад, смог бы сделать счастливее себя и ее?

Вода ласкала кожу и не давала ответа. Как и прошлое.

После завтрака Его Величество задумался, чем бы занять день. Сезон охоты уже окончился, поскольку живность готовилась производить потомство, и королевские егеря начали регулярные объезды лесов для отлова браконьеров. Любовные утехи в ближайшее время королю не светили. Пожалуй, ему следовало обсудить с Арком кое-какие рабочие вопросы, чтобы возвращение в столицу не было слишком... напря-

женным. Под вздохи заснувшего у камина сытого волкодава Редьярд потянулся к зеркалу связи. Несмотря на обеденное время, наследный принц ответил сразу. Зеркало показало знакомую обстановку кабинета за его спиной.

Аркей склонил голову в приветствии:

– Отец, добрых улыбок и теплых объятий тебе!

– Теплые объятия и эльфы несовместимы, сын! – улыбнулся Его Величество и сразу взял быка за рога: – Вот гномы – другое дело! Что у нас с твоим визитом в Драгобужье?

– Протокол согласован с другой стороной и с архимагистром Никорин, – ответил принц.

– Ники? – удивился Редьярд. – А она зачем?

– Я отправляюсь в ее сопровождении.

Его Величество нахмурился.

– А с кем еще?

Аркей пожал плечами.

– Мы будем вдвоем и не задержимся там на время большее, чем понадобится, чтобы продемонстрировать участникам Великого мастерского схода клеймо Крампполтота на кристалле с договором.

– Чье это решение? – осведомился король нехорошим голосом.

– Мое, – сын не отвел взгляда. – У гномов нет короля на троне, поэтому я не стану задействовать для встречи полный церемониал. Но мой личный визит в сопровождении ласурского архимагистра будет говорить им о том, что мы ценим

отношения с ними и считаем их более чем дружескими.

– А так же о доверии... – задумчиво протянул Редьярд. – Хм... Мне не по душе твоя затея!

Аркей спокойно ждал продолжения. Его Величество намеренно затянул паузу – он всегда, когда позволяла ситуация, испытывал старшего сына на прочность. Лучше он, чем действительность, которая обрушится на Арка, когда его, короля, не станет!

– Но я с тобой соглашусь, – довершил Рэд, не добившись от сына ни признака беспокойства. – Самому мне отправиться к ним будет не по чину, а ты подойдешь в самый раз!

Принц кивнул.

– Благодарю, отец!

– А что, твоя жена носит мой подарок? – вдруг спросил король.

Арк едва заметно смешался, однако быстро взял себя в руки и честно ответил:

– С трудом, но носит...

– Перстень еще бабки моей, учти это! – поднял палец Его Величество. – Семейная реликвия ласурских королей! Так что пушай носит и не пищит!

Его Высочество кивнул:

– Я передам.

– Передай еще, что я соскучился по ее стряпне, – улыбнулся в ответ король и без перехода поинтересовался: – А что у нас с Королевским советом? Сколько прошений об от-

ставке подал рю Саднес?

– За прошедшее время – три.

Редьярд вздохнул.

– Тяжело старику... Что ж, рано или поздно придется удовлетворить его просьбу, однако нужно подготовить преемника. У меня есть на примете офицер, которого я начал бы продвигать, не задумываясь, если бы не одно обстоятельство.

Арк выжидающе смотрел на него. Вот ведь... сын своей северной матери!

– Твой кровник, – пояснил король, – полковник Лихай Торхаш.

Принц моргнул.

– Но я никогда этого не сделаю, – продолжил Редьярд. – Да, мы начали реформы и неплохо продвинулись, однако и до сих пор остались три вещи, которые делать не стоит. Во-первых, давать оборотням слишком много воли. Во-вторых, демонстрировать народу, что мы даем оборотням слишком много воли. И в-третьих, позволять народу выражать недовольство тем, что мы дали слишком много воли оборотням. Еще не время доверять им, как себе...

Аркей подался вперед, будто хотел прервать отца, но тот повелительно махнул рукой:

– Ты меня не понял! Как человек, друг, побратим – доверяй, пожалуйста. Но как государственный деятель – нет. Поверь, еще рано. Люди не увидели их на нашей стороне! Отдельных представителей – да, но не всех! И пока этого не

случится, не стоит будить спящую собаку!

– Я не могу представить себе ситуацию, в которой это может произойти, – пожал плечами Аркей.

– Вот видишь, сын, – укорил Его Величество. – Ты, *ты*, который стоял у истоков слияния наших народов, не видишь перспективы, а что тогда говорить о простецах, которые не заглядывают дальше своей мошны? Поэтому я предложу другую кандидатуру в твое будущее окружение. Ведь наступит момент, когда я уйду... не в отпуск, и Королевский совет будет принимать или оспаривать не мои – твои решения! Этого человека ты сделаешь своим главнокомандующим, потому что он хорошо тебе знаком, предан короне и опасен! Опасен так же, как и твой драгоценный Лихо.

Принц слушал, испытывая противоречивые чувства. Нет, мудрость отца для него пока недостижима! Он, Аркей, строит планы на ближайшее десятилетие и воплощает их в жизнь, в то время как настоящий король заглядывает в далекое будущее!

Его Высочество откинулся на спинку стула. Этот урок он запомнит. Как и предыдущие.

– И кто же он, отец?

– Ягорай рю Воронн.

* * *

Ягорай рю Воронн распустил пояс.

– Твоя стряпня, Йож, выше всяких похвал!

– Благодарю, Яго, – поклонился польщенный гном, – я люблю готовить, когда время позволяет и никуда торопиться не надо. Но, Руфус стукни меня по темечку, самое вкусное жаркое все-таки с костерка! И когда в котелок намешано...

– ...всякого мусора, – лукаво блестя глазами, перебил Дикрай, – вроде веточек пахучих, грибов неизвестного происхождения, ягодок волчьих, мха...

– Камушки иногда попадались... – добавила от окна фарга.

– Подлый, хусним, поклеп! – возмутился Йожевиж. – Когда это вам попадались камешки в моей каше? Когда это я использовал грибы неизвестного происхождения и какие-то палки?!

– Йож, взгляни на довольную морду кошака – он тебя уел! – засмеялся Яго.

За прошедшее время он стал смеяться гораздо чаще, и причина была рядом с ним: зеленоглазая волшебница, неуловимо похожая на дикую кошку.

– Грибы вообще-то полезны, – хихикнул оборотень, – особенно с необычными свойствами.

Ягорай внимательно взглянул на него.

– Рай, я чего-то не знаю?

– Погоды на завтра? – тут же сориентировался тот.

– РАЙ?

– Ну ладно, ладно, – блондин примиряюще поднял ладо-

ни. – Помнишь ту кордыбанку? Глюкозимуую такую?

– Э? – наострил уши Дробуш, аккуратно скребущий ложкой по дну горшка.

Яго кивнул. А сидевшая рядом с ним волшебница воскликнула с нетерпением:

– Ну?

– Ну... – смущенно сказал оборотень, хотя его морда порозовела от удовольствия, – Дробуш ее съел... почти всю, но кусочек выронил. А я его прихватил, когда мы уходили из той пещеры... и в воду кинул. От греха подальше!

– В воду? – не понял Ягорай. – В какую воду?

– Ну река там у них, помнишь? Статикс...

Вителья неожиданно схватила за щеки и посмотрела на Яго. А тот на нее. И оба захохотали...

– Что? – обиделся Дикрай. – Что я сделал-то?

– Если в ближайшее время популяция эльфов в Дайели-тель увеличится, мы будем знать, кто в этом виноват, – отсмеявшись, пояснил Ягорай. – Тот приток, в который ты у грота выкинул кордыбанку, питает Цитадель. А это значит...

– Йа-ху! – противный голосок раздался раньше, чем появился его владелец. – А это значит, что двое дев в Дайели-тель уже понесли от своих мужей! И еще пятеро понесут в ближайшее вре-мя!

В середине стола само собой освободилось место, на которое тут же водрузилось плотное тулово с кошачьей головой. Подтянуло к себе горшочек Виты, отняло у обиженно взвив-

шего тролля ложку и принялось есть, почавкивая и причмокивая.

Взглянув на очаг, Йож облегченно вздохнул: на приступке стояло еще несколько горшочков. На всех хватит, хотя орава, конечно, та еще!

– Знаешь что, почтенный бог, – произнес он и за шкуру поднял со стола Кипиша, достигшего размеров подсвинка. – Руки ты не вымыл! Давай, отправляйся!

– Это произвол! – заверещала черноволосая красавица, трепетно прижимая к груди горшочек. – Я буду жаловаться своей жрице!

– А я не стану слушать! – Вита показала ему язык. – Почтенный мастер, дай мне добавки! А то этот паразит меня объел!

– Паразит? – возмутился божок, роняя горшочек. – Я? Да я причина бытия! Средоточие миропорядка! Абсолютный закон!

– Руки мой, абсолютный закон! – скрывая усмешку, сказал Йожевиж, подтаскивая его к ручной мойке.

Виньо смеялась вместе со всеми. Так хорошо рядом с друзьями, даже когда в душе серым котенком скребется тревога. О том, как отец воспримет ее послание. О том, стоит ли говорить о письме мужу.

– Все! – Тариша захлопнула тетрадь и подкинула в воздух. – Я добралась до... Не скажу, до чего я добралась, но о кишках я теперь знаю все! И мои, кстати, пусты! Почтенный

Йож, позволь отведать твоих яств? Руки вымою сама!

* * *

Ники разглядывала лежащую на столе крысу, обычную, городскую, из тех, что роются в рыночных помойках, щеголяя розово-черными чешуйчатыми хвостами. Шкурка грызуна с левой стороны была испачкана кровью.

– Я хотел бы, чтобы вы взглянули на нее поближе, архимагистр, – отчего-то волнуясь, говорил мэтр Жужин. – Дело в том, что ко мне обратился член магистрата, ответственный за санитарное состояние столицы. Снег сошел почти повсеместно, и под ним обнаружили многочисленные крысиные тела, подобные этому. Их исследовали на предмет инфекции, но никаких доказательств найдено не было. Причины смерти грызунов – либо рваные раны на теле, либо, как вот здесь...

Ожин растерянно развел руками и шагнул назад, давая Никорин возможность ближе подойти к столу.

Архимагистр склонилась над крысой, поворошила тонкими пальцами мех, разглядывая едва заметный след на коже в районе сердца, словно от прокола. Чем-чем, а брезгливостью она никогда не страдала.

– Вы выяснили, что это, мэтр?

– Больше всего это похоже на... колотую рану со смертельным исходом! – Жужин взглянул на нее с вызовом. –

Только не сочтите меня сумасшедшим!

– Во дворце все немного сумасшедшие... – философски заметила Ники, поднимая тельце за хвост и осматривая его со всех сторон. – Удар был достаточно силен, а орудие убийства – длинно. Крыса пронзена насквозь! А что вы там говорили о рваных ранах? Откуда они, установили?

– Похоже, – мэтр казался совсем растерянным, – они просто перегрызли друг друга!

– Бешенство? – насторожилась волшебница, но тут же опомнилась. – Ах, нет! Вы же сказали, что наличие инфекции не подтвердилось! Все это очень странно, Ожин, вы правы! Спасибо за загадку, я подумаю о ней на досуге!

Архимагистр вернула крысу на стол и, кивнув целителю, вышла. Направилась она в дворцовую библиотеку, располагавшуюся в восточной башне и занимавшую три ее внутренних яруса. Книги, среди которых попадались как весьма редкие, так и весьма странные, многие века собирались безо всякой системы представителями королевской династии. Встречались здесь трактаты о правильном принятии родов и об умывании росой на заре, рыцарские романы, не все из которых можно было показывать младшим Ласурингам, бестиарии, домострой, жития святых, и прочее, и прочее, и прочее. Одна из стен почти полностью была занята брошюрами и свитками о соколиной охоте, которой увлекалась прабабка Редьярда... Ники и сама не знала, зачем идет в библиотеку, раздумывая о крысиных смертях, однако она

всегда следовала своей внутренней потребности, если такая возникала.

В одном из пустующих коридоров от стены отделилась высокая тень и преградила ей дорогу. Архимагистр подняла недоумевающий взгляд и наткнулась на... теплую насмешку в солнечных глазах Гроя Вироша. Не говоря ни слова, оборотень притянул волшебницу к себе и властно забрал ее губы поцелуем. Ники ответила по привычке, а потом разозлилась. На другого. Тоже по привычке. Однако досталось этому. Стукнув долговязого оборотня по фактурным плечам, архимагистр отступила.

– Что? – удивился тот. – Что-то случилось?

– Я занята! – отрезала она и, обойдя Вироша, двинулась дальше.

Но тот вновь встал у нее на пути.

– Мы давно не виделись...

Никорин предупредительно подняла ладони.

– Грой... не сейчас. Я не в настроении!

– У архимагистров тоже болит голова? – сощурил он желтые глаза.

Ники молча смотрела на него и понимала, что соскучилась. Несмотря на то что Вирош был неутомим в любви, ее удовольствие всегда ставил выше своего. Редкое, надо признать, качество в мужчинах. А у нее так давно никого не было...

– Приходи в башню в полночь, – наконец сдалась она.

Резко обогнула оборотня и пошла прочь. В душе царил раздрай, причина которого, к сожалению, была ей совершенно ясна. Это число один приносит в нашу жизнь ясность. А число два – путаницу.

На пороге библиотеки Ники потрянула головой, отгоняя ненужные мысли, и с тоской оглядела деревянные перила парапетов, похожие на прилегших отдохнуть толстых змей, и ряды книг на полках. Какого Аркаеша ее потянуло сюда, в место, полное мудрости и сумерек? Она щелкнула тонкими пальцами, зажигая светильники в стеклянных, покрытых пылью колбах, и прошла в центр помещения. Смахнула на пол медвежью шкуру, покрывающую кресло, села, откинулась на спинку и закрыла глаза. Сколько она не была тут? Десять лет? Двадцать? Больше?

Здесь царила оглушительная тишина, порождающая ощущение, что книги беззвучно перешептываются друг с другом, обмениваясь содержимым страниц и иллюстраций, скрывая лукавые улыбки корешков. Ощущение, недостижимое для обычного человека, но для Ники дело обстояло по-другому. С некоторых пор слова «реальность», «бытие», «мироздание» перестали быть для нее набором букв, оказавшись живыми и объемными. Все чаще против воли волшебницы действительность воспринималась с потрясающей ясностью, делаясь многоплановой и одновременно цельной, хотя Ники старалась не заострять свое внимание на тех мгновениях, когда умудрялась видеть не только мир, но и его из-

нанку, его отражения, его вечность... В такие минуты она переставала чувствовать себя человеком. Наверное, возросшее в последние столетия могущество позволило бы ей увидеть свою дальнейшую судьбу, однако архимагистр не желала ее знать. Потому что однажды поняла: знание – не сила, а боль...

Стоя рядом, Ясин и Ники рассматривали гору, чью вершушку скрывал вечный туман.

– Интересно, каково это – войти в облако? – хмыкнул Зорель, обнимая подругу.

– Попробуем, мой капитан? – тут же отозвалась она.

В ее глазах отражались туманные пласты, отчего они казались темнее, чем были на самом деле.

– Говорят, туда никому нет дороги, – напомнил Ясин.

– Мы слишком долго искали это место, чтобы поверить слухам простецов, – пожала плечами Никорин.

И первой ступила на узкую тропу, едва различимую в камнях. Потянула Зореля за собой.

– Идем же!

Вскоре тропа исчезла из вида. Туман – молочный, густой, вязкий – клубился вокруг, с любопытством касался влажными пальцами лиц, плеч и рук незнакомцев. Пока он был не опасен, но откуда тогда это ощущение, что призрачная сущность воздуха и влаги в любой момент может обратиться в ледяной кокон, в котором ты застрянешь, как муха в янтаре?

– Тебе тоже кажется?.. – спросил Зорель, и Ники, не до-
слушав, резче, чем хотела бы, ответила:

– Да!

Они остановились. За туманом не было ничего; казалось,
и под ногами ничего не было. Не видно было серого камня,
которого касались подошвы. Муха в янтаре? Нет, два мига,
застывших в вечности между прошлым и будущим.

– К скату мороки! – заиграл желваками Зорель.

Испуганным не казался. Резко развел руки в стороны,
приказывая туману разойтись. Тот дрогнул.

– Мы искали тебя тридцать лет, Белый старец с Безумной
горы, – звучным голосом вскричал Ясин, – искали не для
того, чтобы повернуть назад!

«Для чего?»

Ветер ли прошелестел, или тонкая струйка камешков,
стекшая с бока утеса на тропу, грозя потянуть за собой кам-
непад?

– Мы слышали, ты один из магов, переживших Вечную
ночь! И хотели бы учиться у тебя! – крикнула Ники. Ее звон-
кий голос будто увяз в тумане.

«Чему?»

– Всему! – не смутился Зорель. – Мы владеем Силой, но
не владеем знанием! Знание мы хотели бы получить от тебя!

«Не владея знанием, вы не владеете ничем! Уходите!»

Ясин и Ники переглянулись. Взялись за руки. И упрямо
шагнули вперед, сойдя с пустоты... в пустоту.

Архимагистр открыла глаза. Надо же, задремала! Старееет, что ли? Решительно встала и пошла туда, куда упал взгляд сразу после пробуждения. Взбежала по ступеням на первый ярус, приоткрыла тяжелую дверцу шкафа и вытащила на свет здоровенный талмуд. На обложке значилось: «Дворцовые интриги Ласурингов и их место в социополитике Тикрея».

– Вот ведь... – Ники добавила несколько витиеватых морских выражений.

С раздражением засунула книгу обратно, захлопнула шкаф и пошла прочь, чихая от поднятой резким движением пыли.

* * *

После разговора с Колеем принцесса Бруни вернулась в кабинет, поцеловала мужа, который, казалось, врос в стул и – руками – в кипы бумаг на столе, и до вечера проработала бок о бок с ним, сидя на своем рабочем месте и иногда перекидываясь репликами с Григо. Секретарь, расположившийся напротив, одно за другим подавал ей прошения, заявления, сметы и другие документы.

– Ваши Высочества, ужин подавать? – раздался из-за двери звонкий голосок старшей горничной Катарины Солей.

Собственно, вопрос Катарины означал, что ужин серви-

рован и ждет. Она, как и герцогиня рю Воронн, строго следила за режимом будущей мамы.

Григо тут же встал. Дождался, когда принцесса подпишет очередное прошение, забрал документ и подал ей руку, помогая.

– До завтра, Ваше Высочество! – он изящно поклонился и ушел, к облегчению Бруни, унося до утра голубую папку с вензелями.

Они с Каем тут же посмотрели друг на друга, как заговорщики.

– Все стынет! – Катарина из-за двери добавила холода в голос.

Аркей поднялся, потянулся с хрустом, покачал головой.

– Родная, с этим надо что-то делать! Я чувствую себя деревянным...

Бруни подошла к нему, прижалась к груди. Синий мундир, в котором он предпочитал работать, царапал щеку жесткой тканью.

– Тебе нужно движение, – вздохнула она. – Биться на мечях, ездить верхом... А я боюсь верхом! А на мечях не умею!

Принц засмеялся. Обняв ее за плечи, повел к двери.

– Индари упаси тебя биться на мечях! Я, пожалуй, участвую в полевых учениях старшекурсников Военного университета. Они там носятся как угорелые, особенно оборотни... Боюсь, поначалу буду отставать!

– Это только поначалу! – улыбнулась Бруни.

Гвардейцы, стоящие за дверью кабинета, услышав голоса, распахнули створки, выпуская их из кабинета, как из тюрьмы, в малую столовую, и вышли, печатая шаг. На ужин нынче никто не был приглашен. У стены вытянулся в струнку адъютант принца Лисс Кройсон, у стола присела в реверансе старшая горничная. Бруни внимательно посмотрела на нее, прежде чем занять свое место за столом, – показалось, или веки у Катаринины припухли?

– Можете быть свободны, – сказал Аркей, когда горничная сняла крышку с блюда с жарким из птицы и овощей.

Катарина вышла, не поднимая глаз и не заметив, что Лисс поспешил открыть перед ней дверь, будто она была не горничной, а знатной дамой. Бруни проводила их задумчивым взглядом. Кажется, в ее окружении наметилась очередная проблема, решать которую придется ей. Подняла глаза и наткнулась на лукавый взгляд мужа.

– Снимай! – улыбнулся он.

Она вначале не поняла. Чуть не вспыхнула по привычке, а потом рассмеялась, с облегчением стаскивая с пальца королевский подарок.

– Это перстень моей бабки, – пояснил принц, беря его в руки и разглядывая на свету. – Да, умели в прежние времена делать вещи, не чета нынешним! Его и кузнечным молотом не сплющить!

– А мне дорого вот это! – Бруни протянула ему руку со скромным колечком, украшенным опалом. – Возможно, ка-

кая-нибудь наша правнучка будет говорить подругам – мол, умели в прежние времена делать вещи, не чета нынешним: простые и изящные!

Аркей поймал ее пальцы, поднес к губам.

– Родная, это так здорово... То, что ты говоришь! Но мы обязательно должны поссориться!

– Почему? – удивилась принцесса.

– Родители всегда ссорятся, выбирая имя для ребенка!

– Разве в нашем случае у нас есть выбор? – пожалала плечами она. – Мне казалось, все очевидно: сын получает имя Его Величества, а если будет дочь – Ее Величества.

С мгновение Аркей смотрел на нее, а потом спросил:

– А как же твои родители?

– Ваше Высочество, не надейтесь, что отделаетесь только одним ребенком! – рассердилась Бруни. – У меня должен быть шанс дать детям и такие имена, как Эдгар и Хлоя!

Принц, перегнувшись через стол, обнял ладонями ее затылок. От прикосновения его теплых сильных пальцев по спине Бруни пробежал холодок, а в животе, наоборот, разлилось тепло. Принцесса вспыхивала от малейшего прикосновения мужа и каждый раз удивлялась этому, как чуду. С того, первого раза на палубе его яхты – и до сих пор!

– Стоп! – тяжело дыша, Аркей оторвался от ее губ и сел обратно. – Сначала ужин, потом прогулка по дворцовому саду, полезная будущей матери, и только потом я предъявлю на тебя свои права, как тиран и деспот!

– Ты умеешь быть тираном? – уголками губ улыбнулась Бруни, ожидая, пока он положит ей на тарелку овощи и птицу.

– И докажу это! – кивнул муж.

Такие разговоры по вечерам, за ужином, стали их традицией. Они подшучивали друг над другом и делились достижениями за день, спрашивали совета... Обычно спрашивала Бруни, а Аркей отвечал, но бывало и наоборот.

– Отец сегодня удивил меня, – сказал принц, – настоятельно порекомендовал в мое окружение одного бывшего офицера...

– Что-то не так с этим офицером? – насторожилась Бруни. Супруг пожал плечами.

– Не знаю... Но отец ничего не делает без причины. Яг-рай рю Воронн служил в моем полку в звании лейтенанта, был награжден за отвагу во время войны с Креем. Сейчас он – один из тайных агентов рю Вилля. Опыт у него, несомненно, большой, но скорее полевой, тактический. А отец прочит его ни много ни мало в Королевский совет!

– Насколько я знаю, количество мест в Совете ограничено... – задумчиво произнесла принцесса. – Значит, кто-то должен будет уйти?

– Ты моя умница, – засмеялся принц. – Главнокомандующий рю Саднес подает прошения об отставке чаще, чем обычно. Будь я королем, давно бы отправил его на заслуженный отдых, но ты знаешь отца – он держится старой гвардии

до последнего.

– В смысле опыта это оправданно, – развела руками Бруни. – Я тоже не знаю, кем заменю Пипа, если когда-нибудь он не сможет стоять у плиты! Да, в трактире есть Питер, и он отлично справляется с простой кухней, но понятие кулинарии гораздо шире печеного картофеля, жареного мяса и вафель!

Аркей покивал, показывая, что соглашается с примером, и продолжил:

– А теперь, родная, представь, что тебе навязывают Питера на место Пипа в «Старом друге» – когда трактир откроется, естественно. Причем навязывает человек, которому ты не можешь отказать. Первый вопрос, который возникает в связи с этим...

– ...Почему именно его? – воскликнула Бруни. – Кай, тебе следует заняться этим и все выяснить. Его Величество предпочитает держать в рукаве туза, так вытаски его! Кто предупрежден – вооружен! В конце концов, ты должен быть уверен в тех, кто окружает тебя!

Его Высочество слушал жену, лаская ее взглядом. Приятно иметь дело с женщиной, которая тает от твоего прикосновения и восхищается твоим умом. Но гораздо приятнее – с той, что понимает тебя и поддерживает. Единомышленник... Он думал, что это слово можно применить только к мужчинам: друзьям, сослуживцам. И ошибся.

Его Величество, прервав бессрочный отпуск, наконец вернулся во дворец вместе со свитой. И замок ласурских королей моментально стал напоминать народную больницу имени королевы Рейвин в период эпидемий. По коридорам бегали с выпученными глазами фрейлины и пажи, потерявшие друг друга и своих господ, носились, сбивая ноги, горничные и слуги с тазиками, полными горячей воды, подносами с едой и напитками, бритвенными станками и стопками чистого или грязного белья. То тут то там раздавалось дружное ржание свиты Его Высочества Колея, с возвращением отца воспрянувшего духом. Красные мундиры вновь заняли свои места у дверей королевских покоев, а в кабинете Его Величества запылал камин, который Аркей предпочитал не разжигать. Перед камином разлеглась новая прекрасная медвежья шкура – продукт прошлого сезона охоты, на которой с наименьшим удовольствием разместился волкодав Стрема, прибывший во дворец вместе с хозяином, к радости всех местных сук.

Наследный принц вернул королю алмазный венеч – символ власти, – облегченно вздохнул и тут же с головой ушел в подготовку к визиту в Драгобужье, на которую оставалось всего три дня. Кроме того, в столицу уже начали стекаться на Весенний бал и сопутствующий ему Большой поэтический

турнир менестрели, труверы и артисты со всех концов Тикрея. Магистратские волшебники старались вовсю, растапливая лежалый снег, и городские мостовые и газоны уже было не узнать. Садовники рыхлили землю, как сумасшедшие кроты, готовя ее к массовой посадке цветов, в которой могли принять участие все желающие.

С первым приведенным теплым течением кораблем в Вишенрог прибыл герцог Фигли Ориш, кузен Его Гаракенского Величества Йорли II. Невысокий, смуглый и жилистый герцог был полон сил и энергии и после официальной процедуры назначения его распорядителем двора Ее Высочества Ориданы развил бурную деятельность, стремясь, по его выражению, «поднять дух» любимой племяннице. Ориш действительно относился к дочери своей младшей сестры как к родной. Как человек опытный, он и без ее жалоб понял, что происходит, и принял единственно верный тон – деловитый и жизнерадостный. Человеческая судьба была не так благосклонна к «его девочке», как судьба коронованной особы, однако герцог не падал духом и не собирался позволять этого племяннице. Вечером, накануне визита принца Аркея в Драгобужье герцог и Оридана сидели в розарии, наблюдая, как свита Ее Высочества мечется по дорожкам, вылавливая из-под каждого куста Саника Дороша, которого охватила страсть к копательству.

– Мне не в чем упрекнуть королевскую семью, дядя, они добры ко мне... все, кроме мужа. Ее Высочество Бруни опе-

кает меня как младшую сестру – жаль, что она не родная сестра мне! – рассказывала Оридана, грустно улыбаясь. – С ней в нашем дворце было бы больше порядка, а Харли не вырос бы таким похожим на Колея!

Герцог сочувственно похлопал ее по руке, оглянулся на крики фрейлин в дальнем конце оранжереи и спросил:

– Этот щен действительно оборотень? Ведет себя как совершенно невоспитанная собака!

– Ребенку нужно движение! – возмутилась принцесса. – А с обращением у него проблемы. Мне кажется, он перестал доверять людям и не хочет быть такими, как мы.

– Но тебе, по твоим же словам, он доверяет? – уточнил Ориш.

Оридана вздохнула. И вдруг лихо свистнула. Спустя мгновение Саник – в земле по самые уши – стоял на пороге беседки.

– Ах ты мое горе горькое! – по-ласурски сказала принцесса, поднимаясь и беря его на руки. – Грязное какое, фу!

Умные карие глазенки Саника блестели так радостно, что никакому «фу» места в них не находилось.

– Видимо, доверяет не настолько, что стать самим собой, – Оридана села рядом с дядей, усадив щенка рядом и принимаясь кружевным платочком оттирать с него грязь. – Но я нужна ему, дядя, я это точно знаю! Поэтому хочу оформить опеку – как Ее Высочество Бруни над своим воспитанником Веславом Гроденом из клана Черных ловцов.

Фигли с сомнением прищелкнул языком. Потрепал оборотня по лобастой голове, обратил внимание, как тот насто-роженно смотрит, хотя и не скалится.

– Ори, змейка моя, а если он никогда не сможет обернуть-ся? – спросил он. – Ты принцесса, дитя королевского дома Гаракена; ты должна быть дальновидной и рассматривать все варианты. Я думаю, стоит подождать, пока этот ребенок не докажет, что может быть человеком. И только после этого принимать решение об опекунстве! Люди не поймут, если ты официально станешь опекать... собаку! Животному опекун не нужен – ему нужен хозяин.

Принцесса порывисто прижала к себе щенка. Тот тьякнул, вырвался, соскочил со скамейки и снова унесся к вожде-ленным розам. Оридана не поднимала глаз на дядю, раздумывая. Умом понимала: он прав. Сердцем рвалась к обладанию существом, которому – знала! – нужна. Но что такое сердце для отпрыска королевского дома? Не более чем эфемерная надежда когда-нибудь стать... обычным человеком. Не это ли роднило ее с оборотнем, неспособным к обороту?

Ориш взял руки племянницы в свои.

– Змейка моя, я лишь прошу не торопиться! Подумать! Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне, какие бы мысли ни приходили в твою красивую, но сумасбродную голову!

Оридана вскинула взгляд. Фигли смотрел на нее с гру-стью.

– Вы видели его? – воскликнула она. – Видели?

Герцог тяжело вздохнул и отвел глаза.

– Прошу! – с мукой в голосе прошептала принцесса. – Лишь пара слов!

– Это будут печальные слова, Ори, – так же тихо ответил Ориш. – Иракли Ракеша нет в живых. Он погиб зимой в стычке на границе с Дикоземьем.

Будто почуяв неладное, Саник появился на пороге, как чумазый дух с блестящими глазами. Внимательно посмотрел на застывшую изваянием принцессу, побледневшую до синевы, вспрыгнул к ней на колени, подsunул голову под руку. Она растерянно погладила его, вздохнула судорожно, и вздох больше был похож на всхлип. Выпрямилась с сухими глазами:

– Отец отправил его на границу специально, я знаю!

Ориш сжал ее руку.

– Он просто отправил его подальше от тебя, Ори! Остальное сделала судьба!

– Судьба, – прошептала Оридана и поцеловала Санника между ушами. – Проводи меня в мои покои, дядя, я плохо себя чувствую...

В другое время она обратила бы внимание на платье, измазанное грязными лапами щенка, на упавший на пол платочек. В другое время. Не сейчас.

Деловое утро Драгобужья традиционно начиналось в пять утра. Архимагистр Никорин, лежа в своей постели и не открывая глаз, вслух проклинала Драгобужье, гномов, их понятие делового утра и Бруттобрута, который, стоя у кровати, нудным голосом читал статью двести сорок седьмую Магического кодекса. Единственное, что могло заставить волшебницу проснуться, когда она этого не желала, был канцелярский язык с обилием юридических терминов.

Завершая особо затейливое проклятие, архимагистр отметила, что секретарь, вторым голосом цитирующий по памяти статью, ни разу, мать его, не сбился!

– Хватит, Брут! – сдалась Ники и открыла глаза. – Я встаю!

– В четыре тридцать...

– ...Меня ждут у Его Величества, я помню! А сейчас сколько?

– Половина четвертого...

– Кракенские блохи!

Архимагистр со стоном скатилась с кровати и отправилась в купальню. По возвращении ее ждали чашка с горячим морсом и пара тонюсеньких сухариков, намазанных маслом. Позавтракав, она заглянула в гардеробную Башни. Выбранный костюм был брючным, кожаным, строгим. Белоснежная

рубашка и пара украшений, за каждое из которых гномы добровольно отдали бы лучшие шахты, завершили образ.

– Я во дворец, – сказала она, спустившись вниз.

Бруттобрут разбирал бумаги по стопкам: доклады, отчеты, прошения. Кивнул, показывая, что услышал. Буркнул:

– Удачи!

– Благодарю, – улыбнулась Ники.

И с этой ослепительной улыбкой впорхнула в кабинет Его Величества, где уже собрались сам Редьярд, оба его сына, рю Вилль, первый министр Свин и начальник королевской канцелярии Викентий Висконсин, невысокий и спокойный мужчина с внимательными серыми глазами и седеющими висками.

Волкодав Стрема сладко дрых у камина, на зависть всем присутствующим.

– Добрых улыбок и теплых объятий, Ваше Величество! – Ники склонилась в изящном поклоне и с тоской покосилась на пса. – И всем присутствующим!

– В Большой тронный зал, – буркнул в ответ Его Величество, однако, проходя мимо волшебницы, скользнул глазами и по черной коже камзола, обтягивающей высокую грудь, и по глубокому и узкому вырезу белой рубашки, соблазнительно проглядывающему в белопенных кружевах.

Рю Вилль, улыбаясь, предложил архимагистру руку. Если начальника Тайной канцелярии и беспокоило предстоящее мероприятие, по нему никак нельзя было сказать об

этом. Ники обменялась с ним многозначительным взглядом и посмотрела на Его Высочество Аркея. Старший принц был спокоен и собран, будто не в Драгобужье собирался, а не тренировку. В парадном полковничьем мундире он выглядел представительно, если не сказать роскошно. «Осанку особ королевской крови подделать нельзя!» – подумала Ники и вспомнила о совсем другой осанке. Сердце тревожно сжалось: от герцога рю Воронна до сих пор не поступило вестей насчет рыжего лиса. Никаких донесений не получил и Троян рю Вилль.

– Все нормально, Ники? – поинтересовался шедший рядом принц Аркей.

Архимагистр ослепительно улыбнулась:

– Не беспокойтесь, Ваше Высочество, я буду начеку, когда придет время.

И выбросила из головы сторонние мысли. У нее будет время заняться поисками Лиха, а сейчас нужно сосредоточиться на главном сегодняшнем событии – посещении в компании старшего принца Великого мастерового схода гномов Подгорного царства и Драгобужского наземья.

В тронном зале уже было полно народу. Непривычные к раннему подъему придворные непрестанно зевали и возбужденно перешептывались. Однако шепотки смолкли, едва ведомая королем процессия миновала двери. Его Величество поднялся на трон, не обращая на присутствующих ни малейшего внимания. Младший сын встал за правым плечом –

на место старшего. А старший вместе с архимагистром остановился внизу – у ступеней, ведущих на тронное возвышение. Стоя рядом с принцем, Ники обводила глазами толпу. Вот, в первом ряду, Ее Высочество Бруни. Только непривычная бледность выдает ее волнение. Герцогиня рю Воронн поддерживает принцессу под локоть, будто опасается, что та упадет в обморок... Ники усмехнулась про себя. Не дождется, не тот у Матушки Бруни характер! Чуть позади – принцесса Оридана, выглядит тяжело больной, с чего бы? Неужели от недостатка мужского внимания? Нет, на мужа не смотрит, тарашится в пустоту. Кусает и так уже искусанные губы, кажущиеся ярко-алыми на пожелтевшем от бледности смуглом лице. Хм...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.